

Хроники Архитектора

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

КНИГА 2

СЕРГЕЙ КЭН

Сергей Кэн

Хроники Архитектора.

Человеческий фактор

<https://litres.ru/73799596>

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение истории про айтишника ставшего Магом-Архитектором. После пробуждения духа Морганы, магические камни, что удерживали древнее зло потеряли силу и на свет явилось темное порождение не терпящее магии. Смогут ли наши герои восстановить барьер и спасти мир магии от уничтожения, а графиня Де Богарне успеет ли закончить обучение первого за долгие столетия Архитектора. Читайте и узнаете!

Содержание

Глава 1 Пролог	4
Глава 2 Новый дом	8
Глава 3 Гениальная идея	23
Глава 4 История первая: кот из соседней двери	42
Глава 5 Историческая правда и не только	55
Глава 6 Домовой из подпола	69
Глава 7 Возвращение Алисы	84
Глава 8 История третья: бабушка, внук и паркур	98
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Сергей Кэн

Хроники Архитектора.

Человеческий фактор

Глава 1 Пролог

Тишина в комнате над пабом «Зелёный человек» была такой плотной, что Джон слышал, как внутри него самого что-то пульсирует. Только это было не сердце, его он чувствовал. Пульсация появилась после того, как он заглянул в светящийся разлом камня в поместье графини. То, что в нем поселилось, после той ночной прогулки не давало покоя.

Он лежал на кровати, уставившись в потолок, и пытался вспомнить, как здесь оказался. Последнее, что помнил — руины, алтарный камень, трещина, из которой сочился свет. А потом пустота. И теперь — эта комната, этот потолок, это чувство, будто внутри него поселился кто-то ещё.

За окном комнаты была густая, липкая, декабрьская тьма, что обступила старый дом со всех сторон, прижимаясь к стёклам, просачиваясь в щели. Английская сырость пробирала до костей, своей особой, въедливой влажностью, от которой не спасают ни обогреватели, ни толстые одеяла. Ветер гонял по пустынной улице мокрые листья, прибитые к ас-

фальту ночным дождём, и их шорох казался единственным живым звуком в этом мире — если не считать тяжёлого, чужого дыхания, которое Джон уже перестал отличать от своего собственного.

Свет уличного фонаря пробивался сквозь тонкие занавески, рисуя на стене дрожащие полосы. Где-то вдалеке залаяла собака и тут же смолкла, будто её оборвали. Внизу в пабе никто не ходил, миссис Гловер уже давно спала, Джон слышал это сквозь перекрытия. Тишина стояла такая, что звон в ушах казался оглушительным.

Он моргнул.

И в тот же миг в голове зазвучал голос. Тихий, вкрадчивый, похожий на шелест песка по стеклу:

«Ты проснулся».

— Кто здесь? — Джон сел на кровати, вглядываясь в темноту углов. Сердце наконец забилось быстрее.

«Я здесь. Я всегда был здесь. Ты просто не замечал».

— Ты кто?

«У меня много имён. Люди называли меня по-разному. Хаос. Бездна. Сущее. Но ты можешь звать меня... голосом».

Джон обернулся. В углу комнаты, там, куда не доставал свет фонаря, стояла тень. Не сгусток темноты, а именно тень — плоская, бесформенная, но почему-то невероятно реальная. Она не двигалась, но Джон знал: она смотрит на него. От этого взгляда хотелось забиться под кровать и не дышать.

— Чего ты хочешь? — голос его дрогнул, сорвался на

хрип.

«Я хочу того же, чего и ты. Жить. Дышать. Чувствовать. Меня заперли в камне столетия назад. Но недавний ритуал... он освободил меня. Частично. Теперь мне нужна помощь».

— Я не буду тебе помогать.

«Уже помогаешь. Ты — мой голос. Мои глаза. Мои руки. Без тебя я лишь тень. Но с тобой... с тобой я смогу найти их».

— Найти кого?

«Тех, кто освободил меня. Погасить их свет. Особенно её. Самую яркую».

Джон хотел закричать, позвать миссис Гловер, выбежать на улицу, в эту сырую декабрьскую ночь, под дождь и ветер — куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Но тело не слушалось. Оно лежало на кровати, смотрело в потолок и даже не дёргалось.

— Что ты со мной сделал? — прошептал он.

«Ничего. Ты сам впустил меня, когда заглянул в камень. Я лишь... воспользовался приглашением».

Тень в углу колыхнулась и исчезла. Голос стих. Джон остался один.

Он лежал, глядя в потолок, и чувствовал, как внутри него пульсирует чужое присутствие. Оно не давило, не мучило, а просто было. Как второй пульс, как второе сердце, как дыхание того, кто теперь делил с ним это тело.

За окном ветер стих. Листья больше не шуршали. Собака не лаяла. Тишина стала абсолютной, ватной, давящей на уши.

Джон закрыл глаза.

И в темноте, за веками, увидел глаза. Тысячи глаз, смотрящих из бездны. Они не мигали. Они ждали.

«Скоро», — прошептал голос в его голове. *«Скоро мы выйдем на охоту».*

Джон не ответил. Он уже не знал, где заканчивается он и начинается оно.

За окном занимался рассвет. Серый, холодный, английский. Первый день новой жизни.

Глава 2 Новый дом

Февраль в Москве — штука обманчивая. Вроде бы солнце светит ярче, чем в декабре, но мороз всё ещё щиплет щёки и нос, а снег под ногами скрипит так, будто жалуется на жизнь.

Максим стоял у высокого окна на втором этаже старого доходного дома в Большом Толмачёвском переулке и смотрел на заснеженную арку, ведущую во двор. Где-то там, за поворотом, шумело Садовое кольцо, но сюда его шум долетал лишь приглушённым эхом — город признавал, что у этого места есть право на тишину.

Дом был старый, дореволюционный, с толстыми стенами, лепниной на фасаде и высокими потолками, которые теперь, после ремонта, радовали глаз свежей побелкой. Когда-то здесь жили купцы, потом, при советской власти, нарезали коммуналок, в девяностые здесь тусовались офисы, а последние лет пять здание вообще простояло заброшенным. Город выставил его на аукцион, и Артём — через своих «нужных людей» (которые, как по волшебству, находились всегда, когда пахло выгодной сделкой) — умудрился выкупить первый этаж и подвал. Как ему это удалось, осталось загадкой, но Максим давно перестал удивляться талантам друга.

Катя подошла сзади, обняла его за талию, прижалась щекой к спине.

— Задумался? — спросила она тихо.

— Да так, — Максим накрыл её руки своими. — Смотрю и думаю: странно всё сложилось. Полгода назад мы в Хамовниках жили, в этой стерильной коробке, и даже не знали, что существует такая жизнь.

— А помнишь тот пруд? — Катя улыбнулась, вспоминая. — Мы туда ходили гулять по воскресеньям, ты ещё всё ворчал, что далеко, а потом говорил, что хорошо.

— Помню. И парк рядом. Ты там хотела научиться на роликах кататься, но так и не собралась.

— Всё некогда было. — Катя вздохнула. — Работа, диплом, вечная спешка. Мы даже не замечали, что мимо проходит.

— Жалеешь, что продали? — спросил Максим, поворачиваясь к ней.

Катя посмотрела на него, потом обвела взглядом новый зал, стеллажи, старый диван, коробки с книгами.

— Нет! — сказала она твёрдо. — Мне тут больше нравится. Тут... тепло. И пахнет по-другому. Не пластиком, а деревом и... историей, что ли. И ты рядом. И все рядом.

— И Рыжик рядом, — добавил Максим, кивая на кота, который уже устроился на подоконнике и с важным видом наблюдал за воробьями.

— И Рыжик, — согласилась Катя. — Кстати, он сегодня уже третий раз на этом месте. По-моему, он считает себя главным смотрителем.

— Он и есть главный, — усмехнулся Максим. — Мы тут все на подхвате.

— Макс! — донёсся снизу голос Артёма. — Спускайся! Тут твоя помощь нужна!

— Идём, — Катя чмокнула его в щёку и потянула за руку. — А то наш великий комбинатор без тебя не справится.

Максим вздохнул, отлепился от подоконника и пошёл вниз. Рыжик, дремавший на груде старых газет, проводил его ленивым взглядом и снова закрыл глаза — коту было плевать на ремонт, у него были дела поважнее.

Они спустились в торговый зал, где царил организованный хаос. Коробки с антиквариатом громоздились вдоль стен, в центре комнаты стоял старый диван (временное пристанище), а вокруг сустились трое рабочих в комбинезонах. И надо всем этим возвышался Артём.

Он стоял посреди зала, уперев руки в боки, и напоминал полководца перед решающей битвой. В одной руке он сжимал рулетку, как маршалский жезл, другой размахивал в сторону стеллажей. На носу красовалось пятно краски, но это ничуть не умаляло его величия.

— Я тебе как стратег говорю! — вещал Артём, обращаясь к прорабу. — Стеллаж должен быть здесь! А витрина — вот тут! Чтобы свет падал правильно и создавал нужную атмосферу!

Прораб — мужик лет пятидесяти с хитрющим прищуром и козлиной бородкой, которого все вокруг называли просто

Петрович, — слушал эту тираду с видом человека, повидавшего на своём веку и не таких чудаков.

— Слушай, Наполеон ты наш, — лениво отозвался Петрович, почёсывая затылок. — Свет падает из окна. Он будет падать одинаково, куда ты витрину ни поставь. Это физика, а не магия.

— Не одинаково! — Артём аж подпрыгнул от возмущения. — У меня чуйка на такие вещи! Я, может, этот бизнес годами строил! Я чувствую энергетику пространства!

Петрович переглянулся со своими рабочими. Те понимающе хмыкнули.

— Энергетику, значит, — протянул Петрович. — А может, тебе ещё фэншуй сюда притащить? Бамбуком стены заставить?

— И притащу! — Артём ничуть не смутился. — Если надо будет!

— Слышь, Кутузов, — Петрович сплюнул в сторону (но в ведро, потому что мужик был культурный). — Ты мне лучше скажи: розетки где делать? А то по твоей энергетике их потом не припаяешь.

— Розетки... — Артём на секунду задумался, но быстро нашёлся: — Розетки делай там, где я скажу! Я план нарисую!

— План у него, — хмыкнул Петрович. — Ладно, хозяин-барин. Твои деньги — твоя власть. Только попомни мои слова: через месяц сам прибежишь просить переделать.

— Не прибегу! — гордо заявил Артём.

— Ага, а я тогда Наполеон, — буркнул Петрович и махнул рукой рабочим: — Давайте, мужики, делаем как великий стратег велит. А то вдруг его энергетика нас всех поубивает.

Рабочие заулыбались, но спорить не стали. Видно было, что Петрович умеет находить общий язык даже с самыми эксцентричными заказчиками.

Максим и Катя, наблюдавшие эту сцену с лестницы, переглянулись.

— Я сейчас упаду, — прошептала Катя, давась смехом.

— Держись, — ответил Максим, у которого тоже губы предательски подрагивали.

— Макс! — Артём заметил их и сразу переключил внимание. — Идите сюда! Будете свидетелями моей победы над косностью мышления!

— Мы лучше в сторонке постоим, — дипломатично ответил Максим. — Чтобы не спугнуть твою энергетику.

— Правильно, — кивнул Артём и снова повернулся к Петровичу: — Значит, так. Вот здесь стеллаж, здесь витрина, а здесь мы поставим диван для посетителей. Чтобы они чувствовали себя как дома.

— Диван? — Петрович покосился на облезлое чудо мебельного искусства. — Это ты диваном называешь? Я такие в пионерлагере видел. Ещё в прошлом веке.

— Это винтаж! — Артём аж задохнулся от возмущения. — Это раритет! Это стиль!

— Это рухлядь, — спокойно ответил Петрович. — Но де-

ло твоё. Только я на этот диван гарантию не даю. Сядет кто потяжелее — и прощай, винтаж.

— Ты не понимаешь! — Артём схватился за голову. — Ладно, идите уже. Я сам тут всё додумаю.

Петрович с рабочими, посмеиваясь, удалились в подсобку — видимо, обсуждать, как лучше выполнить «стратегический план».

Катя наконец дала волю смеху.

— Артём, ты гениален! Кутузов, Наполеон, теперь ещё и диван-раритет! Ты коллекционируешь исторические образы?

— Я просто пытаюсь создать идеальное пространство! — Артём обиженно надулся. — Никто не понимает тонкой душевной организации художника.

— Мы понимаем, — успокоил его Максим. — Очень даже понимаем. Продолжай в том же духе. А мы пока коробки разберём.

— Ага, — кивнул Артём и уже тише добавил: — Петрович, конечно, тот ещё персонаж. Но дело своё знает. Я специально с ним так, чтоб не расслаблялся.

— Конечно-конечно, — серьёзно кивнула Катя, но глаза её смеялись. — Стратегическая хитрость.

— Именно! — Артём гордо вскинул подбородок и отправился мерить рулеткой что-то в дальнем углу.

Максим с Катей переглянулись и, давясь смехом, пошли разбирать коробки.

Жизнь в новом доме определённо обещала быть весёлой.
— Макс! — Артём обернулся. — Помоги лучше шкаф подвинуть. Вон тот, тяжёлый. А то грузчики уже ушли, а нам ещё книги расставлять.

Шкаф был старым, дубовым, с резными дверцами — одна из первых покупок Артёма для магазина. Максим подошёл, примерился.

— Вдвоём не справимся, — сказал он. — Тяжёлый.

— А ты магией? — Артём понизил голос и заговорщически подмигнул.

— Артём, мы же договаривались: без глупостей, пока рабочие здесь.

— Да они уже уходят, глянь.

Действительно, рабочие собирали инструменты, прощались с прорабом и выходили на улицу. Через минуту в магазине стало тихо.

— Ну? — Артём с надеждой посмотрел на Максима.

— Ладно, — сдался тот.

Он подошёл к шкафу, положил ладони на резные дверцы, прикрыл глаза. Архитекторское зрение включилось мгновенно — он видел структуру дерева, точки напряжения, вес. Аккуратно, чтобы не развалить древний дуб, он приподнял шкаф над полом сантиметров на пять и передвинул к нужной стене.

— Готово.

— Красота! — восхитился Артём. — Вот это сервис! На-

до было тебя вместо грузчиков нанять, сэкономили бы кучу денег.

— Я тебе не по карману, — усмехнулся Максим.

В этот момент из подсобки вышла Катя, отряхивая джинсы от пыли. Рабочая одежда сидела на ней довольно соблазнительно, подчеркивая точеную фигурку, а стянутые волосы в небрежный хвост только довершали образ.

— Я там разобрала половину коробок, — объявила она. — Книги можно ставить на стеллажи. Артём, у тебя там такое старьё, что музей позавидует.

— Не старьё, а раритеты! — поправил Артём. — Это наша кормилица.

— Ага, пока что кормилица только пылью.

Катя подошла к Максиму, чмокнула его в щёку и устало опустилась на диван.

— Я сейчас усну, — призналась она. — Восемь коробок с книгами — это перебор.

— А диплом? — спросил Максим.

— Диплом подождёт. Я заслужила отдых.

Из подвала поднялась Софи. Она становилась всё плотнее с каждым днём — сейчас её можно было принять за живого человека, если не присматриваться. Только лёгкая полупрозрачность в лучах солнца выдавала призрака.

— Там внизу ещё три ящика с посудой, — сообщила она. — Артём, ты уверен, что нам нужно столько чашек?

— Это не чашки, это антиквариат! — возмутился Артём.

— Вон те, с золотым ободком, вообще восемнадцатый век!

— Они треснутые, — заметила Софи.

— Это не трещины, это патина!

Катя рассмеялась.

— Артём, с тобой не соскучишься.

— Я знаю. — Артём гордо выпрямился. — Кстати, Софи, ты как? Освоилась?

— Да, — Софи обвела взглядом помещение. — Здесь хорошо. Светло. Тепло. И люди хорошие.

— Ну вот, — Артём растроганно шмыгнул носом. — А говорили, призраки злые.

— Я исключение, — улыбнулась Софи.

Они продолжили разбирать коробки. Рыжик, устав от безделья, спустился вниз и принялся охотиться на солнечных зайчиков, которые плясали на стенах от яркого февральского света. Иногда он замирал, глядя в угол, и тогда Софи тоже смотрела туда, но ничего не говорила.

Всё было спокойно.

— Слушайте, — вдруг сказал Артём, разбирая очередную коробку. — А где моя любимая кружка? Та, с единорогом?

— Опять? — вздохнула Катя. — Артём, она же разбилась ещё в старой квартире. Я тебе говорила.

— Не может быть! — Артём заглянул в коробку, перерыл её. — Я её берёг! Она мне дорога как память!

— О памяти надо было думать, когда ты её в раковину уронил.

Артём поник.

— Это была не просто кружка. Это был символ. Мой единорог... моя муза...

— У тебя была кружка с единорогом? — удивилась Софи.

— Да! С розовой гривой и радугой на боку. Я из неё только по праздникам пил.

Катя прыснула.

— Боже, какой позор.

— Не позор, а стиль!

Максим смотрел на эту сцену и улыбался. Дом. Настоящий дом. Шумный, тёплый, живой.

— А давай я попробую? — вдруг предложил он, глядя на терзания друга.

— Что попробовать? — не понял Артём.

— Кружку починить. Не склеить, а... ну, вернуть.

Артём уставился на него.

— Ты можешь?

— Не знаю. — Максим пожал плечами. — Я раньше не пробовал чинить то, что разбилось. Но вдруг?

Софи подошла ближе.

— Интересная мысль, — сказала она. — Ты никогда не работал со временем. Это сложнее, чем с материей.

— Но попробовать можно?

— Можно.

Артём заметался по комнате:

— Так, мне нужны осколки! Где осколки? Катя, ты выбро-

сила?

— Я их в пакет сложила, — вспомнила Катя. — В кладовке, наверное.

Через пять минут осколки были найдены, разложены на столе. Максим смотрел на них, пытаясь представить, как это сделать. Включил архитектурское зрение — и увидел.

Каждый осколок был не просто куском керамики. В каждом теплился слабый, едва заметный отпечаток. Эмоции Артёма, связанные с кружкой. Радость от утреннего кофе. Тепло рук. Уютные вечера. Все эти отпечатки тянулись друг к другу, как магниты, но не могли соединиться.

— Они помнят друг друга, — прошептал Максим.

— Что? — переспросил Артём.

— Осколки. Они помнят, что были одним целым. Я чувствую это.

— И что?

— Сейчас мы им поможем.

Максим подошёл к столу, где были разложены осколки. Посмотрел на них, пытаясь представить, как это сделать. Включил архитектурское зрение — и мир вокруг перестал быть просто миром.

Он видел всё. Структуру дерева в столе, его поры, годовые кольца, даже память о том, каким оно было сто лет назад. Видел потоки воздуха, которые лениво текли по комнате, закручиваясь в углах. Видел свечение Софи — ровное, золотистое, успокаивающее. Видел Катю — её аура пульси-

рвала любопытством и лёгкой тревогой. И видел осколки.

Они не были просто мёртвой керамикой. В каждом теплился слабый, едва заметный огонёк. Отпечатки эмоций Артёма, связанные с кружкой. Радость от утреннего кофе. Тепло рук. Уютные вечера. Всё это тянулось друг к другу, как магниты, но не могло соединиться — слишком слабы были нити, слишком много времени прошло.

— Я попробую, — сказал Максим и закрыл глаза.

Он потянулся к осколкам чистой мыслью, без силы. Просто напомнил им, как это было. Как кружка стояла на полке. Как в неё наливали горячий чай. Как Артём держал её в руках, глядя в окно на дождь.

Осколки дрогнули. Чуть-чуть, самую малость. Огоньки внутри них затеплились ярче, потянулись друг к другу тонкими нитями... и оборвались.

— Не получается, — выдохнул Максим, открывая глаза.
— Я их зову, а они не идут. Слишком слабо.

— Ты зовёшь, но не даёшь им силы, — раздался спокойный голос Софи. Она стояла рядом, почти касаясь его плеча. — Память — это только воспоминание. Чтобы оживить, нужно вдохнуть в неё частицу себя. Свою энергию. Свою волю.

— Как тогда, с Рыжиком? — спросил Максим.

— Похоже. Но с Рыжиком ты создавал новое. А здесь — восстанавливаешь старое. Это тоньше. Нужно не заменить, а дополнить. Дать им то, чего им не хватает, но не переделать

под себя.

Максим кивнул. Закрыв глаза снова.

На этот раз он не просто звал. Он всмотрелся в каждый осколок, в каждый огонёк памяти. Увидел, чего им не хватает — не энергии, а связующей нити, моста между прошлым и настоящим. И начал вплетать свою силу в эти крохи.

Это было похоже на ткачество. Тонкие, почти невесомые нити его энергии тянулись от пальцев к осколкам, обвивали их, соединяли. Огоньки внутри керамики вспыхивали ярче, питаясь этой силой, но не теряя себя.

— Осторожнее, — тихо сказала Софи. — Не перестарайся. Твоя сила должна помочь, а не заменить.

— Понимаю, — сквозь зубы ответил Максим.

Пот выступил на лбу. Руки дрожали от напряжения. Это было сложнее, чем он думал — удерживать столько нитей сразу, не давать им запутаться, не оборвать.

Катя затаила дыхание. Рыжик, почувствовав неладное, прыгнул с подоконника и сел рядом, внимательно следя за происходящим жёлтыми глазами.

— Давай, Макс, — прошептала Катя. — Ты сможешь.

Осколки дрогнули. Медленно, словно нехотя, они начали двигаться по столу, притягиваясь друг к другу. Края, которые должны были остаться острыми, срастались без следа. Розовый единорог на боку улыбнулся.

Последняя нить вплелась в готовую кружку. Свет погас. Тишина.

Максим открыл глаза и выдохнул. Он чувствовал себя так, будто разгрузил вагон угля, но на душе было тепло.

— Готово, — сказал он хрипло.

Артём, который всё это время стоял как вкопанный, боясь дышать, наконец подошёл к столу. Осторожно, словно беря в руки святыню, поднял кружку, повертел, понюхал.

— Ни хрена себе! Она пахнет... как раньше, — голос его дрогнул. — И тёплая. Макс, ты... ты гений. Ты просто гений!

— Я архитектор, — поправил Максим, вытирая пот со лба. — Архитекторы не только ломают, но и чинят.

— Какая разница! — Артём прижал кружку к груди. — Ты вернул мне единорога! Я теперь твой должник навеки!

— Ты и так мой должник, — усмехнулся Максим. — За магазин.

— Это другое. Это святое.

Софи одобрительно кивнула:

— Хорошая работа. Ты не просто восстановил вещь — ты вернул ей душу. Это высокий уровень, Архитектор.

— Учитель хороший, — улыбнулся Максим.

— Ладно, — Катя подошла и чмокнула его в щёку. — Герой, отдыхай. А мы пока чайник поставим. Заодно кружку испытаем.

— Давайте! — Артём уже нёсся к чайнику, сияя, как ребёнок.

Софи смотрела на Максима с одобрением.

— Ты сделал это без ритуала, — заметила она. — Просто

силой мысли. Ты растешь, Архитектор.

После того как вода вскипела Артём налил в кружку кипятка и бросил пакетик с чаем, после чего торжественно поднял её:

— За Макса! За Софи! За новую жизнь! И за то, что магия существует!

— За магию! — подхватила Катя, быстро разливая кипяток по кружкам.

— За магазин! — добавила Софи.

Рыжик, убедившись, что всё в порядке, вернулся на подоконник — досматривать за воробьями. Они чокнулись. Кружка Артёма, живая и здоровая, радостно звякнула.

За окном светило февральское солнце, и, хотя до настоящей весны было ещё далеко, всем вдруг показалось, что она уже на пороге.

Глава 3 Гениальная идея

Утро в магазине «У Артёма» начиналось с кофе. После того как все собрались под одной крышей, это стало незыблемым законом, который никто не смел нарушить. Даже Рыжик, который обычно досматривал свои котовьи сны до полудня, спускался на кухню, когда слышал характерное шипение кофемашины. Правда, спускался он с таким видом, будто делает одолжение, и непременно требовал свою порцию молока в отдельном блюде, которое Катя ставила для него на подоконник.

Кухня в новом доме получилась просторной, с большим окном, выходящим во двор-колодец. По утрам здесь было особенно хорошо: солнечные лучи пробивались сквозь заиндевевшие стёкла, рисовали на стенах золотистые полосы, и даже старые шкафы, доставшиеся в наследство от прежних хозяев, казались не такими уж уродливыми. Пахло здесь теперь не только пылью и старым деревом, но и свежесваренным кофе, выпечкой из соседней булочной и почему-то всегда немножко ветивером — Софи когда-то обронила, что этот запах напоминает ей о доме, и Катя теперь старалась держать на полке ароматические палочки.

Катя, как единственная живая хозяйка в этом доме, не считая же за хозяйку Софи, которая хоть и с каждым днём становилась плотнее, но «до горячего супа» всё ещё не до-

росла, разливала напиток по кружкам. Артёмов — с единорогом, бережно восстановленная Максимом на прошлой неделе и теперь сиявшая розовой гривой ярче прежнего. Максима — простая керамическая, обожжённая до тёмно-коричневого цвета, тяжёлая, приятно греющая ладони. Катина — с видами Москвы, подаренная когда-то подружкой и чудом пережившая все переезды. А для Софи — одна из записок Артема, старая с патиной, но она старалась делать вид, что пьёт, поднося фарфор к губам и вдыхая пар, просто чтобы быть со всеми, чтобы чувствовать себя частью этого странного, шумного, живого мира.

— М... Слушайте, — начал Артём, отхлебнув кофе и довольнo жмурясь. — Меня посетила гениальная идея.

— О нет! Опять! — простонал Максим, хотя в его голосе не было настоящего раздражения. Скорее привычная уже усталость от неуёмной энергии друга.

— Да ты только послушай, что мне пришло в голову, — тут же отреагировал Артём, пододвигаясь ближе к столу и понижая голос до заговорщического шёпота. — Это не просто идея. Это, я вам скажу, бизнес-план!

— Я уже по интонации понял, — Максим отставил кружку. — Когда ты так говоришь, это всегда что-то грандиозное и обязательно авантюрное. Помнишь, как ты предлагал открыть сеть эзотерических магазинов по франшизе? И чем кончилось?

— Ну, во-первых, это была не франшиза, а стратегическое

партнёрство, — надулся Артём. — А, во-вторых, тот случай не в счёт. Там поставщик подвёл.

Катя фыркнула в кружку, но промолчала.

Артём картинно надулся, но ненадолго. Обиды у него вообще редко задерживались дольше, чем на минуту.

— А вот и нет! Это гениальное и абсолютно безопасное! — Он вскочил, чуть не опрокинув кружку, и принялся расхаживать по кухне, размахивая руками. — Вы только вдумайтесь! Помимо того, что мы теперь являемся хозяевами полноценного антикварного магазина, у нас ещё есть и Архитектор, тот, кто может придавать необычные способности вещам...

— Допустим, — осторожно ответила Катя, поглядывая на Максима. Тот сидел с непроницаемым лицом, но в уголках губ уже пряталась усмешка.

— У нас куча старых фигурок, статуэток, безделушек, ведь так?

— Ну...

— И Макс, если согласится, может сделать из неживого почти живое? Чуть-чуть, самую малость?

Рыжик, услышав знакомые интонации, наострил уши и с подозрением уставился на Артёма. Кот явно чувствовал, что разговор идёт о чём-то, касающемся его лично.

— Тёма, — Максим поставил кружку на стол с лёгким стуком. — Ты предлагаешь оживлять всё подряд? Чтобы по магазину бегали армии керамических кошек и мышек?

— Не бегали! — Артём аж подпрыгнул от возбуждения, едва не задев плечом висящий на стене старый барометр. — Чуть-чуть! Самую малость! Чтобы они приносили удачу! Понимаешь? Клиент покупает фигурку, а она не просто стоит, пылится на полке. Она работает! Ну, там, удачу притягивает, деньги, любовь — по запросу! Представляешь масштабы? Это же революция в антикварном деле!

Рыжик, услышав слово «кошки», дёрнул ухом и с явным подозрением перевёл взгляд с Артёма на Максима. Мол, что тут происходит? Какие ещё кошки?

— Ты только посмотри на него, — хихикнула Катя, кивая на кота. — Ревнует. Прямо слышит, что речь о конкурентах.

— А чего ревновать? — Артём подошёл к коту и почесал его за ухом. Рыжик сначала дёрнулся, будто раздумывая, не укусить ли наглеца, но потом всё же поддался ласке и даже зажмурился. — Ты у нас эксклюзивный экземпляр. Штучный. Таких больше не будет. Ты — прототип, можно сказать. Первый и единственный.

— Кстати, о штучных экземплярах, — Катя хитро прищурилась, отставляя кружку. — Макс, а ты так и не рассказал толком, как у тебя получилось его оживить. Мы всё на бегу, на бегу, в суете переезда, ремонта... А ты и словом не обмолвился? Я, между прочим, до сих пор в шоке от того, что наша керамическая фигурка вдруг начала мурлыкать и просить есть.

Максим усмехнулся, откинулся на спинку стула и посмотрел

рел на Рыжика. Тот, почувствовав внимание, соизволил открыть один глаз, но тут же закрыл обратно — мол, не до вас, люди, я тут дремлю.

— Да нет тут никакой особой истории, — сказал Максим, пожимая плечами. — Всё вышло случайно. Тём, помнишь, когда мы только въехали и разбирали те коробки с хламом из подсобки?

— Ага, — кивнул Артём, садясь обратно за стол и подпирая щёку рукой. — Я тогда эту фигурку нашёл в ящике, заваленном старыми журналами и какими-то тряпками. Думал, на витрину поставить — она милая, рыженькая, глазки такие хитрые. Прямо как настоящий кот, только маленький.

— И что? — Катя подалась вперёд, облокотившись на стол.

— А то, — Максим покосился на кота, который при упоминании своего происхождения чуть приоткрыл один глаз, но вида не подал. — Что Тёма её уронил. Она с полки — бац! — и на пол. Вдребезги.

— Я не специально! — тут же вскинулся Артём, скидывая руки, будто защищаясь. — Я её протирал от пыли, а она выскользнула! Такая скользкая оказалась, зараза! Глазурь, наверное, старая, скользкая...

Рыжик на подоконнике фыркнул — то ли осуждающе, то ли согласно. Сложно было понять, что он думает о своём создателе.

— И что дальше? — не унималась Катя. Глаза у неё горели

любопытством, как у ребёнка, слушающего сказку.

— А дальше Макс сказал: «Дай попробую починить», — продолжил Артём, входя в роль рассказчика. — Ну, я и дал. Думал, склеит как-нибудь по-своему, магически. Всё ж теперь у нас в доме архитектор живёт, не зря же мы его кормим. А он сел, осколки эти перед собой разложил на том самом месте, где Рыжик сейчас спит, глаза закрыл...

— И ничего не получилось, — перебил Максим, видя, что Артём готов рассказывать до вечера. — Первые два раза осколки даже не шевелились. Я их звал, памятью кормил, воспоминаниями о том, какими они были, а они — ноль. Софи тогда сказала, что я слишком слабо давлю, что надо не звать, а вкладывать. Что-то своё, понимаешь?

— И? — Катя замерла.

— Ну, я и вложил. Побольше, чем надо, видимо, — Максим развёл руками. — Не рассчитал.

— И?

— А что "и"? — Максим пожал плечами. — Она собралась. Только не в кружку, не в статуэтку, а в кота. Я, видимо, перестарался с силой. Или не ту структуру выбрал. Софи потом объясняла, что я случайно перестроил неживое в живое. По всем законам магии так не бывает. Там, говорит, нужны ритуалы, подготовка, недели, а то и месяцы. А я просто... взял и сделал.

— Но ведь бывает, — тихо сказала Софи, появляясь в проёме кухни. Она двигалась бесшумно, как и положено

призраку, и Катя каждый раз вздрагивала, когда Софи возникала внезапно. — Ты просто не знал, что делаешь. А Сущее... оно, видимо, было не против.

— Сущее? — переспросила Катя, поворачиваясь к ней.

— Та сила, что стоит за всей магией, — пояснила Софи, садясь на свободный стул и беря в руки свою пустую чашку. — Древняя, безлика. Её нельзя вызвать или приказать. С ней можно только договариваться. Обычно, чтобы сотворить живое из неживого, нужны недели подготовки, ритуалы, круги, приношения. Нужно просить, уговаривать, договариваться. А Макс просто... взял и сделал. Без спросу, без подготовки, без всего. И у него получилось. Значит, Сущее само захотело, чтобы этот кот появился. Может, для равновесия. Может, для чего-то ещё.

Рыжик на подоконнике зевнул, демонстрируя острые клыки, и снова уставился на воробьёв за окном. Ему не было дела до философских рассуждений о древних силах. Воробьи были гораздо важнее.

— То есть он не просто кот, — медленно проговорила Катя, глядя на рыжий комок шерсти. — Он — часть чего-то большего? Какая-то... миссия у него?

— Может быть, — Софи пожала плечами. — А может, просто кот, который любит спать на подоконнике и ловить воробьёв. Иногда вселенная допускает чудеса просто так. Без глобального смысла. Просто потому, что может.

— Запутала ты меня, — вздохнула Катя.

— Это нормально, — улыбнулась Софи. — Я сама до сих пор путаюсь. Четыреста лет живу, а до сих пор не всё понимаю.

Артём, воспользовавшись паузой, вернулся к своей идее. Он вообще обладал удивительной способностью возвращаться к своим планам, даже если его десять раз перебивали.

— Так что, народ? — он обвёл всех взглядом победителя.
— Берёмся за бизнес?

Катя приснула, представив себе эту картину.

— Артём, ты хочешь открыть магический сервис? Прямо при магазине? Чтобы мы продавали заговорённые фигурки?

— Да! — Артём гордо выпрямился, отчего его клетчатая рубашка натянулась на животе. — Можно назвать «Магия по заказу» или «Чудо на выбор». Или вот ещё: «Волшебная лавка Артёма»! Звучит?

— Звучит как слоган для рекламы стирального порошка, — заметил Максим. — Или для доставки суши.

— А мне нравится! — не сдавался Артём. — Софи, скажи им! Ты же у нас самая мудрая, самая древняя, тебя слушают.

Софи, которая всё это время спокойно сидела в кресле, держа в руках чашку с несуществующим кофе, улыбнулась уголками губ. За последние месяцы она научилась этой едва заметной улыбке, которая появлялась, когда Артём начинал свои маркетинговые монологи.

— Я думаю, для практики сойдёт, — сказала она мяг-

ко. — Максу нужно учиться работать с тонкими материями. Контролировать силу, дозировать, чувствовать грань. А на таких маленьких вещах, как фигурки — самое то. Риск минимальный, а опыта много.

— Видал? — Артём торжествующе посмотрел на Максима. — Учитель одобряет! Это почти официальное разрешение!

— Я не против практики, — осторожно сказал Максим, почёсывая подбородок. — Меня другое беспокоит. А если что-то пойдёт не так? Если фигурка не удачу, а, наоборот, проблемы принесёт? Я ж ещё не совсем контролирую процесс.

— Элеонора поможет! — Артём обернулся к провидице, которая только что спустилась из своей комнаты на втором этаже и теперь стояла в дверях кухни, зябко кутаясь в большой шерстяной платок. — Ты же посмотришь свои ветки и скажешь, кому можно, а кому нельзя? У тебя ж это профессиональное!

Элеонора зябко повела плечами, хотя в магазине было тепло — батареи грели отлично, а Катя ещё и обогреватель поставила. За последние два месяца провидица заметно окрепла, но всё ещё не любила холод и предпочитала кутаться в пледы и платки, даже когда остальные ходили в футболках. Она села на свободный стул, взяла предложенную Катей чашку с горячим чаем, с наслаждением вдохнула пар и только потом ответила.

— Посмотрю, конечно, — сказала она негромко. Голос у неё был тихий, но в нём всегда чувствовалась какая-то глубина, будто она одновременно говорит и слушает что-то далёкое. — Но предупреждаю сразу: любое вмешательство в судьбу — это риск. Даже самое маленькое, даже с благими намерениями. Ветки могут повести себя непредсказуемо. Сегодня одна развилка, завтра другая.

— Так если что, ты ж подстрахуешь? — не унимался Артём. — Ну, там, ветки подправишь, дорожки выровняешь?

— Ага, — кивнула Элеонора с лёгкой усмешкой. — Прямо сейчас возьму и выровню. Думаешь, это как асфальт укладывать?

— Ну я не знаю, как у вас там, магов, это работает, — смутился Артём. — Но ты же можешь?

— Могу смотреть. Могу предупреждать, — Элеонора сделала глоток чая. — Но гарантий не даю. Максим прав: если переборщить с силой, фигурка может не удачу принести, а, скажем, сделать человека слишком самоуверенным. Или, наоборот, пугливым. Или удачу принесёт, но в таком виде, что он сам испугается. Тут нужна ювелирная работа. Микродозы, можно сказать.

— А Макс у нас ювелир, — подмигнул Артём. — Ну что, попробуем? Макс, не дрейфь, первый блин комом, а второй — Рыжиком. Ой, то есть, второй уже есть, значит, третий будет в самый раз.

Рыжик на подоконнике дёрнул ухом, услышав своё имя,

но комментировать не стал.

Максим посмотрел на Софи. Та чуть заметно кивнула — действительно, практика не помешает. Посмотрел на Катю — она пожимала плечами, но в глазах горело то самое любопытство, которое он так любил в ней с первой их встречи. Посмотрел на Элеонору — та уже закрыла глаза, явно просматривая ветки вероятностей этого безумного плана, и на лице её не было тревоги, только сосредоточенность.

— Ладно, — сдался Максим. — Но с условием: первую фигурку выбираем самую простую, без претензий. И клиента ищем невредного, с лёгким запросом.

— Само собой! — Артём уже нёсся к витрине, подпрыгивая на ходу. — У меня как раз есть одна... кошечка такая милая... японская, манеки-нэко, только маленькая. Если что, и не жалко. Она копеечная вообще-то, я её за сто рублей у оптовиков брал.

— Ты же говорил, что все фигурки — раритет, антиквариат, — усмехнулась Катя.

— Эта — опытный образец, — отмахнулся Артём, доставая с нижней полки небольшую керамическую кошечку с поднятой лапкой. — Для тренировки, так сказать. Полевых испытаний. Если Макс её угробит — не страшно. А если получится — будет легендарный экземпляр, продадим втридорога.

Рыжик, услышав слово «кошечка», презрительно фыркнул и, гордо задрав хвост, удалился на подоконник в другой

комнате. Конкуренты ему были не нужны, даже такие маленькие и керамические.

— Кстати, — вспомнила Катя, глядя на Элеонору, которая всё ещё сидела с закрытыми глазами. — А ты сама как? Не скучаешь по Англии? Там, наверное, сейчас тоже зима, только мокрая, без снега.

Элеонора открыла глаза, посмотрела в окно, где заснеженная арка пряталась в тени старого дома. Снег лежал пушистыми шапками на карнизах, на ветках деревьев, на крышах припаркованных машин. Красиво.

— Нет, — ответила она просто. — Там у меня ничего не осталось. Дом продан ещё до всего этого, родных нет, дар... он там только приносил боль. Слишком много веток, слишком много вероятностей, слишком много горя. А здесь у меня появилось настоящее дело. Здесь я нужна. И ветки... они здесь чище. Спокойнее. Может, потому что город большой, шумный, отвлекает. Может, потому что вы рядом.

— Совсем не тянет вернуться? — мягко спросила Катя.

— Иногда, — Элеонора чуть заметно улыбнулась. — Бывает, снятся холмы. Сассекс, зелёные луга, старые камни, туман по утрам. Но это как сон о прошлой жизни. Просыпаюсь — и не хочу обратно. Здесь моя жизнь теперь.

— Ну и славно, — улыбнулась Катя. — А то мы уже привыкли. Без тебя тут как без рук. И без глаз, можно сказать. Кто ж нам ещё ветки посмотрит?

— Команда, — коротко ответила Элеонора и снова при-

крыла глаза, но на этот раз не для того, чтобы смотреть ветки, а просто чтобы отдохнуть.

В этот момент у Артёма зазвонил телефон. Он глянул на экран и расплылся в такой широкой улыбке, что стало ясно — звонок приятный.

— О, Алиса! — объявил он, принимая вызов. — Привет, пропащая! Ты где?

Дальше последовала серия «ага», «угу», «понял», «передам». Артём кивал и загадочно улыбался, поглядывая на остальных.

— Ну что? — не выдержала Катя, когда он нажал отбой и театрально выдержал паузу.

— Алиса, — Артём сделал многозначительное лицо. — Разбирается со своими викканами. Говорит, там после её ухода бардак страшный, её место никем не занято, а без неё они как без рук. Так что наводит порядок, перетряхивает старые связи. Обещала вернуться через пару недель. Передавала всем привет. Особенно Рыжику.

Кот на подоконнике дёрнул ухом, но вида не подал. Мол, подумаешь, привет, я тут вообще-то занят, воробьи сами себя не поймают.

— И ещё, — Артём понизил голос до шёпота, хотя в комнате все и так его слышали, — она сказала, что чувствует что-то неладное. В воздухе, говорит, висит какая-то... ну, типа напряжение. Будто гроза собирается. Но пока далеко, за горизонтом.

Элеонора открыла глаза, и в них мелькнула тень тревоги, которую она обычно старалась не показывать.

— Она права, — тихо сказала провидица. — Я тоже чувствую. Что-то идёт. Что-то большое. Но пока очень далеко. Месяц, может, два. Может, больше. Ветки нечёткие, слишком много вариантов.

— Успеем подготовиться, — твёрдо сказал Максим. В его голосе появилась та уверенность, которой не было год назад. — А пока — давайте заниматься делом. Нечего раньше времени паниковать.

— Делом! — подхватил Артём, мигом забыв про тревожные новости. — Значит, план такой: мы берём фигурку, Макс её чуть-чуть усиливает, Элеонора проверяет, нет ли побочных эффектов, а я ищу первого клиента.

— И где ты его найдёшь? — скептически спросила Катя, оглядывая пустой торговый зал.

— Как где? — Артём округлил глаза. — Да вон, за дверью люди ходят! Москва, центр, Толмачёвский переулок — тут каждый день толпы туристов, студентов, просто прохожих!

— Толпы в феврале? — усомнился Максим. — По морозу?

— Ладно, не толпы, — сдался Артём. — Но кто-нибудь да зайдёт. У нас же антикварный магазин! Любопытные всегда есть. А если нет, я сам на улицу пойду зазывать!

— Только без фанатизма, — предупредила Катя. — А то опять, как в прошлый раз, когда ты пытался рекламировать

шапки-невидимки.

— Это была маркетинговая акция! — возмутился Артём.
— И вообще, шапки продались.

— Одному бомжу, и то потому, что ты ему их просто подарил.

— Неважно! Главное — продажи!

Он не ошибся. Не прошло и нескольких минут, как дверь в магазин приоткрылась и в проёме показалась голова девушки лет двадцати пяти, с огромными глазами и копной рыжих кудрей, выбивающихся из-под вязаной шапки. Девушка явно замёрзла — нос покраснел, ресницы слиплись от снега.

— Ой, а у вас открыто? — спросила она робко, осматривая пустой зал.

— Открыто! — Артём метнулся к ней из кухни с такой скоростью, что Рыжик на подоконнике аж подпрыгнул от неожиданности. — Заходите, не стесняйтесь! У нас сегодня особенные поступления! Только что с корабля, можно сказать!

Девушка робко вошла, оглядываясь по сторонам. Увидела Катю, Максима, Софи в кресле, Элеонору с чашкой чая и, кажется, немного растерялась от такого количества народа в, казалось бы, пустом магазине.

— Я, просто посмотреть... — начала она, теребя в руках варежки. — Шла мимо, вижу — дверь открыта, свет горит. Дай, думаю, зайду, погреюсь. А у вас тут тепло.

— Тогда смелей! — Артём уже взял её под локоть и повёл

к витрине. — Грейтесь, смотрите, выбирайте. У нас как раз открытие после ремонта, можно сказать, новоселье. И смотреть обязательно нужно! И не только смотреть. Ещё и приобрести что-нибудь обязательно.

Девушка покосилась на него с лёгким испугом, но от локтя не освободилась.

— Вот, обратите внимание на эту японскую кошечку! — Артём ткнул пальцем в витрину, где стояла та самая фигурка. — Уникальный экземпляр! Крафтовая работа, ручная роспись, древний символ удачи. Говорят, приносит счастье в делах. Вам как? Нужна удача?

— Правда? — девушка скептически прищурилась, рассматривая статуэтку. — Это же просто сувенир. Таких в каждом ларьке полно.

— О! Вот тут как раз и кроется главная ошибка! — Артём поднял палец вверх и понизил голос до заговорщического шёпота. — В ларьках — подделки, ширпотреб, китайская штамповка. А это — антиквариат! Настоящий! И если эту кошечку правильно попросить, если вложить в неё веру, она может и помочь. Вы не представляете, сколько людей уже благодарили!

— Вы шутите? — девушка недоверчиво покрутила фигурку в руках, но в глазах её зажглось любопытство. — Так-то я сейчас ищу работу, — призналась она, смутившись. — Диплом защитила, красный, между прочим, а с работой пока не складывается. То опыта мало, то берут кого-то другого.

— О! — Артём торжественно посмотрел на остальных.
— А вот кошечка как раз для таких случаев! Берите, не пожалеете! Ещё потом благодарить будете, в ноги кланяться. Вот помяните моё слово.

Девушка покрутила фигурку так и этак, взвесила на ладони.

— А сколько стоит?

— Для вас, — Артём сделал широкий жест, — суший пу-
стяк. Всего пятьсот рублей. Это со скидкой, как первой по-
купательнице официально после открытия.

— Да ну, — девушка смутилась ещё больше. — Я первая...

— Для нас — первая! — отрезал Артём тоном, не терпя-
щим возражений.

Максим с Катей переглянулись. Элеонора за спиной Ар-
тёма чуть заметно кивнула — ветка чистая, риска нет. Софи
улыбнулась, наблюдая за происходящим с явным удоволь-
ствием.

— Ладно, — девушка полезла в кошелёк и отсчитала
пятьсот рублей бумажками разного достоинства. — Давайте
вашу кошечку.

Она забрала фигурку, ещё раз оглядела странную компа-
нию, кивнула на прощание и вышла на улицу, где продолжал
падать снег.

— Есть! — Артём подпрыгнул, размахивая купюрами над
прилавком. — Первая продажа! С почином нас! Макс, ты
успел?

Максим кивнул. Пока Артём отвлекал девушку разговорами и разыгрывал своё представление, он незаметно провёл рукой над фигуркой, вплетая в неё тончайшую, почти неведомую нить удачи. Совсем чуть-чуть, ровно настолько, чтобы обладательница кошечки чуть чаще замечала возможности вокруг и чуть меньше боялась их упускать. Микродоза, как сказала Элеонора.

— Элеонора? — спросил он, поворачиваясь к провидице.

— Чисто, — ответила та, не открывая глаз. — Ветка ведёт к тому, что она найдёт работу через две недели. Не благодаря кошечке, но она будет думать, что благодаря. И это хорошо. Уверенность в удаче — тоже удача.

— Идеально! — Артём потёр руки, сияя как начищенный самовар. — Клиент доволен, магия работает, мы при деле. Жизнь налаживается!

— Пока — да, — тихо сказала Элеонора, глядя в окно, где медленно кружились снежинки.

Она видела ветки. И среди них — одну, тёмную, что тянулась откуда-то издалека, с запада, из-за моря. Но до неё было ещё далеко. Месяц, два, может, больше. И пока можно было жить, не опасаясь.

Рыжик, убедившись, что суэта закончена и никаких конкурентов в ближайшем будущем не предвидится, спрыгнул с подоконника и, лениво перебирая лапами, подошёл к Максиму. Потёрся о его ноги, требуя законной порции внимания. Максим нагнулся, почесал кота за ухом, и Рыжик довольно

зажмурился, урча как маленький трактор.

— Всё будет хорошо, — сказал Максим, ни к кому конкретно не обращаясь. Просто чтобы сказать.

— Будет, — эхом отозвалась Софи.

За окном светило февральское солнце, пробиваясь сквозь тучи, и первый покупатель унёс с собой маленькую керамическую кошечку, даже не подозревая, что в ней теперь живёт крошечная искра настоящей магии.

Рыжик проводил её взглядом, зевнул и, убедившись, что его миссия по охране подоконника временно приостановлена, запрыгнул на колени к Кате, свернулся клубком и засопел.

День только начинался.

Глава 4 История первая: кот из соседней двери

Несколько дней после первой продажи пролетели как один. Артём ходил именинником, то и дело поглядывал на прилавок, где стояла теперь табличка «Магический антиквариат — спросите у продавца», написанная от руки и украшенная кривоватым рисунком кота. Рыжик косился на эту табличку с подозрением, но пока молчал.

В магазине потихоньку налаживалась жизнь. Катя заканчивала диплом, разложив свои бумаги на отдельном столике у окна и периодически отвлекаясь на посетителей. Она же взяла на себя роль администратора: встречала гостей, предлагала чай, рассказывала про историю вещей. Историк в ней просыпался, когда речь заходила о старине, и покупатели слушали её с открытыми ртами.

— Эта брошь, — говорила она даме в дорогом пальто, — конца девятнадцатого века, предположительно работа артельских мастеров. Видите эту зернь? Ручная работа, каждое зёрнышко припаяно отдельно. Такие техники сейчас почти утеряны.

Дама смотрела на брошь уже совсем другими глазами и покупала не раздумывая.

Артём, конечно, был главным продавцом — его энергия

била ключом, и он мог уговорить купить что угодно кого угодно. Но Катя приносила в продажи ту самую «культурную составляющую», которая превращала обычный антикварный магазин в нечто особенное.

Максим тоже иногда выходил из подвала, чтобы помочь. Правда, его помощь была специфической. Он подходил к сомневающимся покупателям и говорил что-то вроде:

— Вы знаете, у этой вещи очень тёплая энергетика. Я сам её чувствую.

И люди почему-то верили. Может, потому что он сам светился изнутри той самой магией, которую впитывал от Софи. Может, просто потому что говорил убедительно.

Элеонора сидела в кресле с чаем и смотрела ветки, иногда комментируя: «Сегодня зайдёт женщина в синем пальто, купит подсвечник», или «Мужчина с собакой просто погреется и уйдёт, но завтра вернётся за часами».

И надо же — сбывалось. Женщина в синем пальто действительно зашла и купила старый медный подсвечник, который Артём давно хотел сплавить. Мужчина с собакой погрелся и ушёл, но на следующий день действительно вернулся и купил старые карманные часы для коллекции.

— Элеонора, ты наше всё, — восхищался Артём. — С тобой хоть бизнес-план не нужен. Ты как живой прогноз продаж!

— Только без фанатизма, — отвечала провидица. — Я не касса, я ветки смотрю.

— А какая разница? Главное — результат!

Катя тем временем вела свой блог. Назывался он «Заметки практикующего историка» и пользовался неожиданной популярностью. После того как она выложила пост про брошь с зернью, подписчики засыпали её вопросами. А когда она рассказала про старинные техники литья, её перепостил какой-то известный блогер-антиквар, и аудитория выросла сразу на пару тысяч.

— Слушайте, — сказала она как-то вечером, — а давайте я про наши фигурки напишу? Только аккуратно, без прямой рекламы. Типа, легенды и поверья, связанные с магическими статуэтками разных народов.

— Идея! — Артём аж подскочил. — А можно ссылку на наш магазин дать? Ну, как источник вдохновения?

— Можно, — Катя задумалась. — Только без фанатизма. А то примут за рекламный аккаунт.

— Мы ж не рекламируем, мы просвещаем! — Артём сделал честные глаза.

— С твоими глазами только в разведку идти, — хмыкнул Максим.

— А что? Меня бы не раскрыли. Я натуральный артистичный.

Рыжик, дремавший на подоконнике, фыркнул во сне — то ли комментировал, то ли просто приснилось что-то интересное.

За неделю магазин посетило человек двадцать. Кто-то за-

ходил просто погреться, кто-то интересовался стариной, кто-то целенаправленно искал что-то «эдакое». Слухи о «магическом антиквариате» расползались по Москве со скоростью звука, и теперь к ним заглядывали даже из других районов.

Был мужчина в дорогом пальто, который купил старинную чернильницу и долго расспрашивал Катю о её происхождении. Была студентка, которая выбирала подарок парню и остановилась на старом компасе. Была пожилая пара, которая просто пила чай и рассказывала о своей коллекции советских ёлочных игрушек — Артём потом долго пытался уговорить её продать что-нибудь.

— У нас ещё и не такое бывало, — рассказывал он покупателям. — Вон тот шкаф, например, мы вдвоём с Максом двигали, а он тяжеленный, дубовый! Но ничего, справились. А эта витрина вообще из старой аптеки, ей лет сто, не меньше.

Катя за его спиной закатывала глаза, но покупателям нравилось.

Максим тоже включился в процесс. Он научился замечать, кому из посетителей действительно нужна вещь, а кто просто глазеет. Софи объясняла ему это через ауры и тонкие материи, но Максим думал проще: люди светятся, когда находят своё. И он старался помочь им это своё найти.

Одной женщине он посоветовал старую иконку — маленькую, медную, складную. Женщина расплакалась, сказала, что именно такую искала двадцать лет. Артём потом дол-

го смотрел на Максима с уважением.

— Ты прямо экстрасенс, — сказал он.

— Я архитектор, — поправил Максим. — Просто вижу чуть больше.

В субботу, ближе к обеду, когда за окном мело так, что прохожие кутались в шарфы до самых глаз, дверь магазина распахнулась и впустила внутрь тучу снега и раскрасневшуюся девушку лет тридцати. Она была в ярко-розовом пуховике, с вязаной шапкой с помпоном и огромными глазами, в которых читалось отчаяние пополам с надеждой.

— Здравсьте, — выдохнула она, сдёргивая шапку и тряся мокрыми волосами. — Я к вам! Мне подружка сказала, у вас тут... ну, это... магическое что-то продаётся?

Артём, раскладывавший только что привезённую партию подсвечников, подскочил как ужаленный.

— Конечно-конечно! — затараторил он, вылетая навстречу. — Проходите, раздевайтесь, сейчас чайку горяченького нальём! Катя, чайник!

Катя, работавшая над очередным постом в блоге, закатила глаза, но послушно пошла на кухню. Она уже привыкла, что Артём при каждом удобном случае норовит напоить посетителей чаем.

Девушка стянула пуховик, оказавшись под ним в симпатичном вязаном свитере с оленями. Рыжик, услышав суету, спрыгнул с подоконника и с независимым видом прошествовал мимо гостыи, демонстративно вильнув хвостом.

— Ой, котик! — девушка умилилась. — Какой красивый!

Рыжик сделал вид, что не слышит, и удалился в сторону подвала.

— Не обращайтесь внимания, — махнул рукой Артём. — Он у нас с характером. Рассказывайте, что случилось? Вижу, вижу по глазам — любовь нужна?

Девушка вспыхнула, залилась краской до корней волос.

— А что, так видно? — пробормотала она.

— Артём, ты как с клиентами разговариваешь? — вышел из подвала Максим, услышав голоса. — Извините его, пожалуйста. Он у нас... эмоциональный.

— Ничего, ничего, — девушка смущённо теребила рукав свитера. — Он прав. Я за этим и пришла. Понимаете, мне тридцать два, я одна, никак не могу никого найти. Всё не те, не те. А подружка моя, Ленка, она у вас кошечку покупала на удачу в работе, и ей помогло! Она теперь главный бухгалтер в фирме, сидит в отдельном кабинете. Говорит, как кошечку на стол поставила, так всё и попёрло. Вот я и подумала... может, и мне что-то такое?

Максим посмотрел на Артёма. Тот развёл руками: мол, сам видишь, сарафанное радио работает.

— Понимаете, — осторожно начал Максим, — мы не даём гарантий. Это скорее... ну, психологический эффект.

— Да какая разница? — девушка всплеснула руками. — Главное, чтоб помогло! Я готова в любой эффект поверить, лишь бы результат был!

Из подвала бесшумно появилась Софи, встала за спиной Максима, с интересом разглядывая гостью. Девушка её не заметила — Софи научилась появляться так, чтобы живые её видели, только когда она сама этого хотела.

— А что именно вы хотите? — спросил Максим, чувствуя поддержку учителя. — Ну, в смысле, какой результат?

— Встретить его! — выпалила девушка. — Ну, мужчину мечты. Чтобы добрый, чтобы с юмором, чтобы любил кошек... и меня заодно.

— А кошек он должен любить обязательно? — уточнил Артём.

— Обязательно! — отрезала девушка. — У меня их три.

— Три? — присвистнул Артём. — А куда ж четвёртого?

— Четвёртого я и ищу, — вздохнула она.

Максим и Артём переглянулись. Катя, вернувшаяся с чайником, приснула в кулак.

— Ладно, — сказал Максим. — Давайте посмотрим, что у нас есть.

Они подошли к витрине, где под стеклом стояли фигурки. Девушка водила пальцем, разглядывая кошек, собачек, каких-то загадочных зверей.

— Вот эту! — вдруг ткнула она в небольшую статуэтку кота. Обычный полосатый кот, сидящий с поднятой лапой, только глаза у него были какие-то особенно хитрые.

— Хороший выбор, — одобрил Артём. — Проверенный вариант. Кошечки вообще хорошо работают на личном

фронте, а коты — особенно.

— Почему? — удивилась девушка.

— Ну, — замялся Артём, — кот — символ домашнего уюта, независимости и в то же время ласки. Мужики это подсознательно чувствуют.

Катя закашлялась, изо всех сил сдерживая смех.

Девушка, кажется, поверила.

— Беру! — решительно сказала она. — Сколько?

— Для вас, — Артём сделал паузу, — как для постоянной клиентки по рекомендации, всего семьсот рублей.

— Тысячу дам, — великодушно махнула рукой девушка.

— Только чтоб работало!

Она отсчитала купюры, забрала фигурку, надела пуховик и умчалась в метель, оставив после себя запах мороза и надежды.

— Ну что, — Артём повернулся к Максиму, — работаем? Максим посмотрел на Софи. Та кивнула.

— Работаем, — согласился он.

Прошла неделя.

Рыжик освоился окончательно и теперь считал себя полноправным хозяином не только подоконника, но и всего магазина. Он важно расхаживал между витринами, обнюхивал новых посетителей и требовал у Кати молоко строго по графику.

Артём продал ещё несколько фигурок: одну бизнесмену на удачу в делах, одну студентке перед сессией, одну пожи-

лой паре — просто так, для интерьера. Элеонора каждый раз смотрела ветки и кивала: всё чисто.

Катя тем временем написала пост в блог о «кошачьем культе в разных культурах» и между делом упомянула, что в их магазине есть уникальная коллекция фигурок кошек со всего мира. Пост набрал неожиданно много просмотров, и несколько человек пришли именно из-за него.

Одна девушка долго выбирала кошку и в итоге взяла сразу две — себе и подруге. Другая, пожилая дама, купила статуэтку египетской кошки и рассказывала Кате, что в молодости была в Каире и с тех пор мечтала о такой.

— У вас тут прямо культурный центр, а не магазин, — сказала она на прощание.

Катя довольно улыбнулась.

Максим тоже не сидел без дела. Он помогал разгружать новые поступления, консультировал покупателей, а по вечерам учился у Софи. Она показывала ему, как видеть тонкие связи между вещами и людьми, как не переборщить с энергией, как чувствовать грань.

— Твоя задача, — говорила она, — не вложить в фигурку слишком много. Достаточно капли. Чтобы она работала как напоминание, а не как двигатель. Человек сам должен делать свою судьбу, а фигурка — просто помогать не забывать об этом.

В субботу, ровно через неделю после визита девушки в розовом пуховике, в магазин влетела она сама.

— Работает! — заорала она с порога, размахивая руками.

— Работает, ваша магия!

Артём чуть не упал с табуретки.

— Что именно работает? — осторожно спросил он.

— Кот! — выпалила девушка. — Вернее, не кот, а... Ой, давайте по порядку!

Она стянула шапку, плюхнулась на диван и выпалила:

— Через три дня после того, как я купила фигурку, ко мне во дворе прибился кот! Огромный, шикарный британец, серый, с глазами как изумруды. Я его покормила, думала, уйдёт — нет, остался. Спать лёг на мою кровать, представляет? Наглый такой!

— А при чём тут мужчина? — не понял Артём.

— Я и говорю! — девушка аж подпрыгнула. — Кот живёт у меня уже неделю, а вчера в дверь звонок — сосед с верхнего этажа. Молодой, симпатичный, в очках. Спрашивает: «Извините, мой кот к вам не забегал?». Я говорю: «Забегал». Он заходит, видит этого нахала, который на моей кровати развалился. Кот даже ухом не повёл. Ну, слово за слово, разговорились... Он тоже один живёт, тоже кота ищет, а кот — вот он.

— И что? — подал голос Максим, выходя из подвала.

— А то! — девушка сияла. — Мы весь вечер просидели, чай пили, кота гладили. Оказалось, он программист, умный, весёлый, и кошек любит. У него, говорит, вообще три кошки было, но все умерли от старости, а этот британец — новый. А

кот, заметьте, к нему не идёт. Со мной сидит, на него смотрит свысока. Короче, завтра он пригласил меня в кино!

— А кот? — уточнил Артём.

— А кот останется у меня, — заявила девушка. — Он так решил. Я уже и имя ему дала — Сеня. Сергей, то есть сосед, говорит, что кот никогда ни к кому не шёл, а тут — пожалуйста. Значит, судьба.

Она ещё раз поблагодарила, расцеловала Катю, обняла Артёма и унеслась, пообещав зайти с новостями.

Когда дверь закрылась, в магазине повисла тишина.

— Ни хрена себе, — выдохнул Артём. — То есть она хотела мужика, а получила сначала кота, а потом мужика с котом?

— Кот был приманкой, — задумчиво сказала Софи, появляясь из тени. — Сработала магия притяжения. Фигурка притянула кота, а кот притянул хозяина. Неплохо, Архитектор.

— Я не специально, — пожал плечами Максим. — Я просто чуть-чуть добавил привлекательности.

— Главное — результат, — подвела итог Катя. — Девушка счастлива, кот пристроен, сосед в деле.

— А через месяц свадьба будет, — вдруг сказала Элеонора, открывая глаза.

Все уставились на неё.

— Я ветку вижу, — пояснила провидица. — Короткую, яркую. Да, через месяц они распишутся. И кот будет свиде-

телем.

— Кот — свидетелем? — Артём поперхнулся. — Это как?

— Ну, не официально, конечно, — Элеонора улыбнулась.

— Но на свадьбе он будет сидеть рядом с молодожёнами. И на всех фотографиях.

— Боже, — простонала Катя. — Это будет самый эпичный кот в истории.

Рыжик, дремавший на подоконнике, приоткрыл один глаз, фыркнул и отвернулся к окну. Мол, подумаешь, кот-свидетель, я бы тоже мог, но мне лень.

Вечером Катя села писать новый пост для блога. Назывался он «Кошачьи сваты: легенды и современность». Она рассказала про древние поверья, что коты приносят в дом счастье и любовь, привела пару примеров из истории, а в конце осторожно упомянула, что в их магазине есть особая коллекция фигурок, которые, по словам покупателей, иногда помогают найти свою судьбу.

— Не переборщила? — спросила она, показывая пост Максиму.

— Нормально, — одобрил он. — Без прямой рекламы, но интригующе.

— Ага, — подхватил Артём, заглядывая через плечо. — Особенно вот это место про «иногда помогают». Люди любят «иногда».

— Люди любят надежду, — поправила Катя.

— Это одно и то же, — отмахнулся Артём.

Катя дописала пост, вставила фотографию похожей кошечки из интернета, чтобы не светить реальную, и опубликовала. Через час у неё было уже пятьдесят лайков и десять комментариев. Девушки писали: «Где купить такую?», «А правда помогает?», «Я тоже хочу!».

— Похоже, мы скоро утонем в клиентах, — хмыкнула Катя, показывая экран Артёму.

— А я что говорил? — Артём сиял. — Пиар — двигатель торговли!

Рыжик, уставший от дневной суеты, забрался на колени к Максиму и замурлыкал. За окном мела метель, но в магазине было тепло и уютно.

— Знаешь, — сказал Максим, глядя на кота, — а ведь он действительно особенный. Не потому, что из фигурки ожил, а потому что... ну, просто Рыжик.

— Все особенные, — тихо сказала Софи. — Просто не все это знают.

Катя дописала пост, нажала «опубликовать» и откинулась на спинку стула.

— Завтра будет новый день, — сказала она. — И новые покупатели.

— И новые истории, — добавил Артём.

— И новые ветки, — улыбнулась Элеонора.

Рыжик зевнул и закрыл глаза.

Всё только начиналось.

Глава 5 Историческая правда и не только

День выдался на удивление спокойным. С утра забегали всего пара посетителей — пожилой коллекционер, который долго рассматривал старые часы, но так и не купил, и девушка с собачкой, которая просто погрелась и ушла. Артём маялся от безделья, протирал и без того чистые стеллажи и поглядывал на дверь в ожидании чуда.

— Не каркай, — сказала Катя, не отрываясь от ноутбука. — Чудо само не приходит, его организовывать надо.

— Я организую, — вздохнул Артём. — Просто сегодня какой-то день некоммуникабельный. Наверное, погода виновата. В такую метель нормальные люди сидят по домам и пьют какао.

— А мы ненормальные? — хмыкнул Максим, поднимаясь из подвала.

— А мы — уникальные, — поправил Артём. — Разница есть.

Рыжик развалился на подоконнике, подставив пузо редкому февральскому солнцу, и делал вид, что он тут единственное живое существо, которое знает толк в отдыхе. Воробьи за окном нагло дразнили его, сидя на ветке в двух сантиметрах от стекла, но кот только презрительно шурился — мол,

мелочь пузатая, я вас и через форточку достану, если захочу.

Максим направился к кофемашине, и Катя проводила его взглядом. Что-то в нём изменилось. Не внешне — он всё так же небритый, в домашнем свитере, с вечно взлохмаченными волосами. Но внутри... внутри теперь была какая-то спокойная уверенность, которой раньше не было. Он двигался иначе, говорил иначе, даже дышал иначе.

— Макс, — окликнула она.

— А? — он обернулся, держа в руках кружку.

— Ты когда последний раз код писал?

Максим задумался, наморщил лоб, почесал затылок кружкой.

— Даже не помню. Месяца два назад, наверное. А что?

— Просто интересно, — Катя захлопнула ноутбук и откинулась на спинку стула. — Ты так изменился. Раньше ты без своих алгоритмов и софтов жить не мог. Помню, бывало, придёшь с работы, а ты сидишь, в монитор уставился, и даже не слышишь, что я говорю. А сейчас — целыми днями с Софи, книги какие-то древние, магия, ауры, ветки вероятностей... Я смотрю на тебя и не узнаю.

— Это плохо? — Максим подошёл ближе, присел на подлокотник её кресла.

— Нет, — Катя улыбнулась. — Наверное, даже хорошо. Ты перестал быть занудой. Помнишь, как ты мог три часа рассказывать про оптимизацию кода? Про какие-то там рефакторинги и паттерны проектирования?

— Я не три часа, я пятнадцать минут, — попытался оправдаться Максим.

— Для меня это были три часа, — рассмеялась Катя. — Я тогда ещё думала: "Господи, зачем я связалась с айтишником? Он же мне всю плешь проест своими терминами". А теперь ты другой. Спокойнее, что ли. И глаза светятся.

— Это магия, — усмехнулся Максим. — Буквально. Софи говорит, что у Архитекторов особое зрение, и оно меняет восприятие мира.

— Ну да. — Катя помолчала, покрутила в руках карандаш. — Только вас теперь с Софи не разлей вода. Целыми днями в подвале. Я даже не знаю, чем вы там занимаетесь.

Она сказала это как бы между прочим, но Максим уловил нотку. Не обиду даже, а что-то такое... щемящее. Он уже научился чувствовать такие вещи — то ли магия помогала, то ли просто стал внимательнее.

— Кать, ты ревнуешь? — спросил он прямо.

— Что? — Катя вспыхнула, даже уши покраснели. — Глупости! К кому? К призраку, который умер полтора века назад? К женщине, которая в принципе не может ни поцеловать, ни обнять, ни даже чаю с тобой выпить?

— Ну да, к призраку, — серьёзно сказал Максим, глядя ей прямо в глаза. — Ты же знаешь, она для меня — учитель. И только.

— Знаю, — Катя отвела взгляд и принялась тереть несуществующее пятно на столе. — Просто... времени вместе по-

что нет. Ты с утра до вечера в подвале, я — в зале или с блогером. А вечером ты опять с ней, разбираете какие-то фотки, практикуетесь... А я сижу одна и строчу посты про древние культы.

— Катя, я учусь, — мягко сказал Максим, беря её за руку. — Это не навсегда. Мне нужно многое освоить, чтобы... ну, чтобы быть полезным. И вообще, давай вечером куда-нибудь сходим? В кино, например.

— В кино? — Катя оживилась, глаза заблестели. — Серьёзно?

— Абсолютно. Я уже забыл, когда последний раз был в кино. Помню только, что мы ходили на какой-то ужастик, и ты полфильма пряталась у меня на плече.

— Это был не ужастик, это был триллер, — поправила Катя. — И там были очень страшные моменты.

— Ладно, пусть триллер. Так что вечером — только ты и я. Без магии, без фигурок, без Софи. Берём попкорн, колу и идём на самую дурацкую комедию, какую найдём.

— Договорились, — Катя чмокнула его в щёку и снова открыла ноутбук. Но теперь она улыбалась по-настоящему. — А теперь иди, учись. А я пока пост допишу. У меня там про египетских кошек, между прочим, очень познавательно.

— Египетские кошки — это серьёзно, — кивнул Максим. — Смотри, чтобы без мистики.

— Какая мистика? Чистая наука, — фыркнула Катя. Из подвала донёсся голос Софи:

— Максим, ты идёшь? Тут такое дело... кажется, я нашла описание одного интересного ритуала.

— Иду, — откликнулся он и, подмигнув Кате, скрылся внизу.

Через час в магазин заглянула женщина с ребёнком, и Артём увлёкся продажей старого глобуса. Он рассказывал про великие географические открытия с таким воодушевлением, будто сам открывал Америку, и в конце концов женщина купила не только глобус, но и старую карту звёздного неба в придачу.

— У вас талант, — сказала она на прощание.

— Знаю, — скромно ответил Артём, пряча деньги в кассу.

Катя, оставшись без дела, листала какой-то антикварный каталог, который принесла с собой, и вдруг наткнулась на заметку о старинном ритуале, упоминавшемся в дневниках одной французской графини. Ритуал был связан с призывом духов предков и почему-то показался ей смутно знакомым. Она полистала свои записи, заглянула в ноутбук, сверилась с источниками.

— Софи, — крикнула она в сторону подвала, — можно тебя на минуту?

Софи появилась почти мгновенно, будто только и ждала. Она бесшумно выплыла из-за шторы, и Катя в очередной раз поразилась, как та умудряется двигаться так, что ни один половик не скрипнет.

— Что случилось? — спросила Софи, подходя ближе.

— Смотри, — Катя пододвинула к ней ноутбук. — Тут описан ритуал. Очень похоже на то, что ты рассказывала про свой род. Помнишь, ты говорила про Самайн, про ночь, когда границы между мирами стираются? Здесь описано почти то же самое, но дата другая. Написано, что проводили его в ночь на Ивана Купалу. А ты говорила — на Самайн. Как думаешь, в чём разница?

Софи склонилась над экраном, её призрачные волосы чуть колыхнулись от сквозняка. Она долго вглядывалась в текст, шевелила губами, читая про себя.

— Ерунда, — сказала она наконец. — Я точно помню: Самайн. Меня саму этому учили, моя бабка показывала. А Иван Купала — это совсем другое. Там другие символы, другие песни, другие травы.

— Но здесь написано, — настаивала Катя, тыча пальцем в экран. — Это же документ, письменный источник. Ему лет двести, не меньше. И он довольно подробный. Тут даже указано, какие именно ветки использовали для костра.

— Мало ли что написано, — Софи пожалала плечами с легким пренебрежением. — Я там была. Я это делала. А летописи часто врут. Особенно когда пишут через сто лет после событий.

— Не врут, а интерпретируют, — поправила Катя, чувствуя, как внутри закипает привычный исследовательский азарт. — Просто у автора могла быть другая информация, другие источники. Может, в разных регионах один и тот же

ритуал проводили в разное время?

— Информация, которая противоречит фактам? — Софи приподняла бровь. — Я тебе говорю: факты таковы, что ритуал проводился на Самайн. Я его проводила. Не один раз.

— Фактам, которые ты помнишь, — Катя начала заводиться. — Но память — штука ненадёжная. Особенно через полтора века. Особенно после того, что ты пережила. Могла и перепутать.

— Ты хочешь сказать, я забыла, в какой день проводила ритуалы, которые были смыслом моей жизни? — голос Софи стал холоднее подвала, в котором они обычно занимались.

— Я хочу сказать, что письменные источники иногда точнее личных воспоминаний, — Катя тоже повысила голос. — В них нет эмоций, только запись. Сухая, беспристрастная. Их можно проверить, перекрёстно сопоставить.

— Запись, которую мог сделать кто угодно и с какой угодно целью, — парировала Софи. — Монах, который ненавидел язычников и всё переврал. Летописец, который писал под диктовку своего господина. Или просто неуч, который перепутал даты. А я помню тот день. Помню, как пахло, какой был ветер, что я чувствовала, когда зажигала первый огонь. Это нельзя подделать.

— Но можно ошибиться! — Катя вскочила, стул с грохотом отъехал назад. — Ты же сама говорила, что первые годы после смерти были как в тумане. Что ты не сразу пришла в себя. Может, ты и даты перепутала? Может, твои воспоми-

нения — это смесь из того, что было на самом деле, и того, что ты потом слышала от других?

В магазине повисла тишина. Артём, только что пересчитывавший выручку, замер с деньгами в руках. Рыжик насто-рожил уши и даже перестал следить за воробьями. Из под-вала появился Максим, привлечённый шумом.

— Что случилось? — спросил он, переводя взгляд с рас-красневшейся Кати на холодную, как статуя, Софи.

— Ничего, — отрезала Катя, отворачиваясь.

— Твоя подруга сомневается в моей памяти, — холодно сказала Софи, скрестив руки на груди.

— Я не сомневаюсь, я пытаюсь докопаться до истины, — огрызнулась Катя, резко разворачиваясь. — В этом суть ис-торической науки. Ставить под сомнение, проверять, искать подтверждения.

— В моё время историю писали победители, — париро-вала Софи. — И те, кто мог платить летописцам.

— В моё время историки копают глубже, чтобы найти правду, а не просто переписывают чужие сказки.

— Девочки, девочки, — Артём выскочил из-за прилавка и встал между ними, раскинув руки, как регулировщик на перекрёстке. — Не ссорьтесь! Ну подумаешь, дата разная. Какая разница? Магия она и есть магия, неважно, когда её творить — в октябре или в июне. Главное, чтобы с душой.

— Важно! — хором сказали Катя и Софи, и так посмот-рели на Артёма, что он попятился.

— Ладно-ладно, я просто предложил, — пробормотал он и спрятался за прилавок, делая вид, что ужасно занят накладными.

Максим вздохнул. Он уже понял, в чём дело. Не в датах. Совсем не в датах.

— Кать, — он подошёл к ней, взял за руку несмотря на то, что она дёрнулась. — Ты злишься не на Софи. Ты злишься на меня.

— Что? — Катя попыталась вырвать руку, но он не отпустил. — С чего ты взял?

— Ты сказала про то, что я много времени провожу в подвале. А теперь ищешь повод. Любой.

— Я не ищу повод, я... — Катя запнулась, и глаза её предательски заблестели. Она быстро заморгала, но поздно — Максим уже видел.

— Ты ревнуешь, — мягко сказал он, притягивая её ближе. — И это нормально. Но давай не будем прятать это за историческими спорами. Давай просто поговорим.

Катя молчала, уткнувшись лбом ему в плечо. Софи, которая уже поняла, что к чему, отошла к окну и сделала вид, что рассматривает заснеженную арку. Рыжик деликатно отвернулся к подоконнику.

— Я не ревную, — наконец выдавила Катя, шмыгнув носом. — Просто... мне кажется, вы там вдвоём... ну, понимаете друг друга без слов. А я... я снаружи. Я не понимаю, о чём вы говорите, не вижу этих ваших структур, не чувствую

магии. Я только могу книжки читать и в интернете искать.

— Ты не снаружи, — Максим обнял её крепче. — Ты здесь. Ты — моя семья. Моя Катя. А Софи — учитель. И друг. Но не больше. Никогда не было и не будет.

— Обещаешь? — шёпотом спросила Катя, поднимая на него глаза.

— Обещаю.

— Я слышу всё, между прочим, — сухо заметила Софи, не оборачиваясь.

— И хорошо, — ответил Максим. — Чтобы не было недо-молвок. Софи, ты для нас обеих важна. Но давай расставим точки.

Софи медленно повернулась. На её лице уже была не хо-лодность, а что-то вроде усталой усмешки.

— Я и не претендовала на большее, — сказала она. — Катя, ты дура, если думаешь, что я могу что-то чувствовать к мужчине. Я призрак. У меня нет тела, нет гормонов, нет... ну, ты понимаешь. Я могу испытывать только то, что осталось от человеческого — привязанность, благодарность, симпатию. Не больше.

Катя шмыгнула носом, вытерла глаза рукавом.

— Прости, — сказала она тихо. — Я просто... я правда испугалась. Ты такая красивая, мудрая, вы с ним проводите столько времени...

— Катя, — перебила Софи, подходя ближе. — Ты краси-вее. Ты живая. Ты можешь смеяться, плакать, злиться, обни-

мать его, целовать, готовить ему завтрак. А я — тень. Я буду рада, если вы позволите мне остаться с вами. Но не вместо тебя. Вместе с тобой.

Катя посмотрела на неё долгим взглядом, потом шагнула и... обняла. Руки прошли сквозь призрачное тело, но Софи улыбнулась и сделала вид, что обнимает в ответ.

— Дуры вы бабы, — философски заметил Артём из-за прилавка. — Вечно найдёте, из-за чего переживать.

— А ты вообще молчи, — беззлобно огрызнулась Катя. — Лучше чайник поставь.

— Уже бегу, — Артём исчез на кухне.

Элеонора, которая всё это время тихо сидела в кресле, наконец открыла глаза. Она, как всегда, наблюдала за ветками вероятностей, но в конфликты предпочитала не вмешиваться.

— Я смотрела ветки, — сказала она. — Здесь нет конфликта. Есть только невысказанные чувства. Но теперь они высказаны, и всё будет хорошо. Ветки чистые, светлые.

— А дата? — спросила Катя, всё ещё шмыгая носом.

— А дата... — Элеонора улыбнулась. — Возможно, правы обе. Ритуалы могли проводить в разные дни в зависимости от региона. Или летописец ошибся. Или память подвела. Мир не чёрно-белый, Катя. В этом его прелесть. В нём всегда есть место для разных точек зрения.

Софи кивнула, соглашаясь.

— Она права, — сказала Софи. — Прости, если я была

резка. Я не привыкла, чтобы мои слова оспаривали. Столько лет никто не смел.

— А я не привыкла верить на слово, — ответила Катя. — Даже призракам. Тем более призракам.

Они посмотрели друг на друга. И вдруг обе улыбнулись.

— Мир? — спросила Софи, протягивая прозрачную руку.

— Мир, — кивнула Катя и сделала вид, что пожимает её.

— Ура! — Артём выскочил из кухни с чайником. — А теперь давайте чай пить! Я тут печенье купил, специально к такому случаю. С шоколадной крошкой! Самые миротворческие печенки!

Рыжик, убедившись, что драма окончена, снова растёкся по подоконнику и прикрыл глаза. Воробьи за окном нагло скакали по ветке, но он уже не обращал на них внимания. В конце концов, даже у котов бывают выходные.

Вечером, когда магазин закрылся, они всё-таки пошли в кино. Без магии, без фигурок, без Софи, она сказала, что ей и в подвале хорошо, есть над чем подумать. Артём остался сторожить, заодно доедать печенье и строить планы по захвату мирового антикварного рынка. Элеонора ушла к себе смотреть ветки и пить чай с мятой.

Фильм оказался дурацкой комедией про то, как два незадачливых полицейских пытались поймать преступника, но вечно попадали в нелепые ситуации. Они смеялись так, будто смотрели лучшую картину года, хотя на самом деле просто были счастливы быть вместе.

А когда вышли из кинотеатра, на улице всё так же валил снег, и Москва светилась тысячами огней, отражающихся в мокром асфальте. Катя взяла Максима под руку и прижалась к нему.

— Знаешь, — сказала она, глядя на кружащиеся снежинки, — я, кажется, поняла, почему ты изменился.

— Почему?

— Потому что нашёл своё место. И людей, с которыми это место стало домом. Раньше ты был как... ну, как программа, которая работает, но в фоновом режиме. А теперь ты настоящий. Живой.

Максим ничего не ответил, только поцеловал её в макушку.

— И я рада, что мы все вместе, — добавила Катя. — Даже Софи. Даже Рыжик. Даже Артём с его дурацкими идеями.

— Даже Артём, — согласился Максим. В этот момент завибрировал телефон в кармане Кати. Она рассмеялась, достала телефон и увидела сообщение от Артёма: "Вы там это, не задерживайтесь, а то Рыжик без вас спать не ложится, всё на дверь смотрит".

— Придётся возвращаться, — улыбнулась она. — А то кот волнуется.

— Идём, — Максим обнял её за плечи, и они пошли по заснеженной улице, оставляя за собой следы.

А в это время в магазине, в подвале, Софи сидела над древним фолиантом и тихо улыбалась своим мыслям. Где-то

рядом, в углу, послышался лёгкий шорох. Будто кто-то маленький и шустрый пробежал по половицам.

— Тихо, — прошептала Софи в темноту, не оборачиваясь. — Не сейчас. Они скоро придут.

Шорох стих. Но ощущение, что в доме кто-то есть кроме них, не исчезло. Наоборот, стало даже сильнее. Кто-то внимательно наблюдал из темноты, изучал, принюхивался.

Софи улыбнулась загадочно и перевернула страницу.

— Скоро, — повторила она. — Скоро познакомитесь.

За окном мела метель, но в старом особняке было тепло и уютно. И кто-то невидимый, кажется, был с этим согласен.

Глава 6 Домовой из подпола

Утро началось с того, что Рыжик уронил цветочный горшок.

Не специально, конечно. Просто он гонялся за солнечным зайчиком, который нагло прыгал по подоконнику, и в очередном кульбите зацепил хвостом чахлый фикус. Горшок с грохотом рухнул на пол, земля рассыпалась, фикус обречённо лёг на бок, а Рыжик замер с таким видом, будто это не он, а горшок сам спрыгнул.

— Рыжик! — завопила Катя, выбегая из кухни с полотенцем в руках. — Ты что творишь, паразит?! Это же мой любимый фикус!

Рыжик посмотрел на неё с выражением глубочайшего презрения и медленно, с достоинством удалился в сторону подвала, всем своим видом показывая, что фикусы вообще не его проблема.

— Я его прибью когда-нибудь этот комок шерсти, — пообещала Катя, собирая землю обратно в горшок.

— Не прибьёшь, — лениво отозвался Максим, выходя из спальни. — Он же магический. Воскреснет.

— Это фикус воскреснет или Рыжик? — уточнил Артём, поняв, что гроза прошла и все спокойно, смело высунулся из-за прилавка.

— Оба, — зевнул Максим. — У нас теперь всё магиче-

ское.

За завтраком Софи объявила, что пришло время для нового этапа обучения.

— Ты освоил базовые вещи, — сказала она, держа в руках пустую чашку (традиция есть традиция). — Защита, усиление, работа с энергией. Теперь пора переходить к более тонким материям.

— К каким именно? — Максим насторожился. Он уже знал, что «тонкие материи» у Софи означают что-то сложное и энергозатратное.

— Начнем с простого, для начала, с деревенской магии, — Софи улыбнулась загадочно. — Той, что живёт в домах, в печах, в порогах. Той, что ближе всего к людям. Это не ритуалы с кругами и свечами. Это магия быта, привычек, повседневности.

— Вы про домовых что ли? — догадался Артём.

— В том числе, — кивнула Софи. — Домовые, овинники, банники, дворовые. Они есть почти в каждом старом доме. Особенно в таких, как этот, с историей. Просто люди перестали их замечать. А они есть.

— И что, у нас есть домовый? — Катя отложила вилку и оглядела кухню с новым интересом.

— Пока не знаю, — Софи пожала плечами. — Но я чувствую кого-то. В подполе. Давно уже. Он наблюдает, присматривается. Боится выходить.

— А чего боится? — спросил Максим.

— Людей. Ремонта. Перемен. Домовые — они консерваторы. Им нужно время, чтобы привыкнуть к новым жильцам. А мы тут всего пару месяцев.

— Ну так давай его позовём, — предложил Артём. — Познакомимся, чаем напоим. Чего стесняться?

— Так просто не позовёшь, — покачала головой Софи. — Нужен ритуал. Или случайность. Иногда они сами выходят, если чувствуют, что им рады.

— А может, его Рыжик напугал? — предположила Катя. — Кот же у нас тот ещё монстр.

— Может, и напугал, — согласилась Софи. — Кошки с домовыми часто не ладят. Территориальные споры.

Рыжик, услышав своё имя, приоткрыл один глаз и фыркнул. Мол, подумаешь, домовый, я и не таких пугал.

После завтрака Максим с Софи ушли в подвал заниматься. Артём отправился протирать витрины, Катя села за блог, а Элеонора устроилась в кресле с чаем и закрытыми глазами — она смотрела ветки.

Всё шло своим чередом, пока около одиннадцати в магазин не ввалился мужчина в дорогом пальто и с золотыми часами на запястье. Он был похож на типичного бизнесмена из рекламы дорогих авто: уверенный взгляд, холёные руки, лёгкая седина на висках.

— Здравствуйте, — сказал он, оглядывая магазин. — У вас говорят, можно приобрести... э-э-э... особенные вещи?

— Особенности? Вещи? — Артём мгновенно оказался ря-

дом. — И кто ж такое говорит?

— Ну, — бизнесмен замялся, он явно чувствовал себя не в своей тарелке, — мои партнёры посоветовали. Сказали, у вас есть фигурки, которые... приносят удачу в делах.

— А-а-а, — протянул Артём с понимающим видом. — Тогда вам точно к нам. Проходите, присаживайтесь. Сейчас чайку горячего... или может...

— Спасибо, я тороплюсь, — перебил мужчина. — Просто покажите, что у вас есть.

Артём подвёл его к витрине с фигурками. Бизнесмен долго разглядывал кошек, собачек, сов, но вдруг его взгляд упал на небольшую статуэтку дракона.

— Вот этот, — сказал он уверенно. — Сколько?

— Дракон? Отличный выбор! — Артём понизил голос до заговорщического шёпота. — Это особая фигурка. Для пробивной силы, для побед в сложных переговорах. Ручная работа, между прочим.

— Беру, — бизнесмен достал кошелёк. — Сколько хотите?

— Вы же понимаете, работа не простая, таких больше нет, — начал пир-акцию Артём. — Вижу, что у вас трудности и потому — пятнадцать. И только ради вас...

Мужчина даже не стал торговаться, отсчитал деньги, забрал дракона и ушёл, даже не спросив никаких инструкций.

— Вот это клиент! — восхитился Артём, когда дверь закрылась. — Пришёл, увидел, купил. И никаких «ой, а правда

работает?», «а можно скидку?». Красота!

— Элеонора, — позвал Максим из подвала, услышав разговор. — Посмотри ветки на этого господина.

Элеонора открыла глаза, посмотрела в пространство, и вдруг нахмурилась.

— Не нравится мне это, — сказала она. — Ветка нестабильная. Слишком много вариантов. Он выиграет тендер, но... есть риск.

— Какой риск? — насторожился Максим.

— Финансовый. Если он переоценит свои силы, могут быть проблемы с налогами. Я бы посоветовала добавить чуть меньше удачи, чуть больше осторожности.

— Поздно, — вздохнул Максим. — Я уже добавил. Только стандартную дозу.

— Ну, будем надеяться, что он не дурак, — философски заметил Артём. — А если дурак, то это уже не наши проблемы.

— Наши, — покачала головой Элеонора. — Ветки, которые мы задеваем, возвращаются. Всегда.

В подвале тем временем Софи показывала Максиму основы деревенской магии.

— Смотри, — говорила она, водя рукой вдоль стены. — Здесь, в углах, собирается энергия дома. Не магия в чистом виде, а то, что остаётся от людей. Их мысли, чувства, привычки. Всё это оседает, как пыль. И если с этим работать, можно многое изменить.

— Как пыль? — уточнил Максим, пытаясь увидеть что-то своим архитекторским зрением. — Я вижу какие-то серые пятна, но они еле заметны.

— Потому что ты привык к яркому, — кивнула Софи. — А деревенская магия — она тихая. Она не бросается в глаза. Но именно она держит дом. Именно она делает его домом, а не просто стенами.

Максим всмотрелся внимательнее. И вдруг в одном из углов, там, где старая балка встречалась с фундаментом, он заметил движение. Что-то маленькое, юркое, серое метнулось в тень.

— Там кто-то есть, — сказал он, указывая пальцем.

Софи улыбнулась:

— Видишь? Это он. Наш домовый. Присматривается.

— Почему он не выходит?

— Боится. Но если мы будем добры к нему, если не будем делать резких движений, он привыкнет. А пока просто знай, что он есть. И уважай его территорию.

Вечером того же дня, когда все разошлись по комнатам, а Максим остался в подвале дочитать главу из древнего фолианта, случилось то, чего никто не ожидал.

Сначала раздался грохот из кухни. Потом звон разбитой посуды. А потом — дикий ор Артёма:

— А ну стоять! Это моя кружка! Моя! С единорогом! Положи на место, кому сказал!

Катя выскочила из комнаты, Максим вылетел из подвала,

Элеонора появилась в дверях с чашкой в руках. Даже Рыжик, обычно игнорирующий любые крики, наострил уши и прыгнул с подоконника.

На кухне царил хаос. Кружка Артёма с единорогом парила в воздухе, а под ней... ну, точнее, над ней, висел маленький лохматый мужичок с длинной бородой и хитрыми глазками. Он был ростом с кота, одет в какие-то лохмотья, а на голове у него красовалась крошечная шапка-ушанка.

— Ты кто такой?! — заорал Артём, пытаясь схватить кружку. Но мужичок ловко увернулся, подлетел к шкафу и спрятался за банкой с крупой.

— Сам ты кто такой? — донёсся скрипучий голос. — Я тут живу, между прочим, лет двести. А вы пришли, шумите, порядки свои устанавливаете. Кружка ему, видите ли, дорога! А то, что я на этой кухне с прошлого века заправляю, это ничего?

— Домовой! — ахнула Катя.

— Не домовый, а хранитель домашнего очага, между прочим, — мужичок высунулся из-за банки и сердито насупился. — А звать меня Панкрат. Панкрат Сурикович, если почеловечески.

— Панкрат Сурикович? — Артём поперхнулся. — Это ж имя как у трактора.

— А ты у нас, видать, Пётр Аркадьевич? — ехидно отозвался домовый. — Только Пётр Аркадьевич Столыпин, а ты так, мелочь пузатая.

— Я Артём, — обиделся тот. — И это моя кружка. Отдай!

— А вот и не твоя, — Панкрат ловко выхватил кружку из воздуха и прижал к груди. — Она теперь моя. Я в ней чай буду пить.

— Ты же домовой, ты должен чай из блюдечка пить! — возмутился Артём.

— Это кошки из блюдечек пьют, — фыркнул Панкрат. — А я уважающий себя хранитель. Мне кружка полагается. И не абы какая, а с характером. С ентой лошадьё, что с рогом на башке.

Рыжик, услышав слово «кошки», насторожился и шагнул вперёд. Увидев маленького лохматого мужичка, он замер, потом медленно, с достоинством подошёл и уставился на него в упор.

— О! Кот! — Панкрат ничуть не испугался. — Здорово, рыжий. Ты здесь главный?

Рыжик прищурился, оценивая конкурента. Потом демонстративно повернулся задом и ушёл на подоконник, всем своим видом показывая, что этот мелкий не стоит его внимания.

— Гордый, — усмехнулся Панкрат. — Ну ничего, сработаемся.

Следующие полчаса прошли в бурных переговорах. Артём требовал кружку обратно, Панкрат упирался, Катя пыталась их помирить, Максим наблюдал с интересом, а Элеонора, кажется, даже не удивилась — она просто сидела в кресле

и пила чай, как будто домовые были для неё обычным делом.

— Слушай, Панкрат Сурикович, — наконец сказал Максим, когда страсти немного поутихли. — А почему ты раньше не выходил?

— А зачем? — домовый пожал плечами, при этом кружка в его руках опасно качнулась. — Вы ремонт устроили, шум, гам, непонятно кто, непонятно что. Я в подполе отсиживался, думал, перебесятся и уйдут. А вы не уходите. И кот этот ещё, рыжий, всё по углам шастает, порядок нарушает.

— Какой порядок? — не понял Артём.

— А такой! — Панкрат спрыгнул с полки и забежал по кухне, тыча пальцем во всё подряд. — Вот здесь у вас ложки лежат, а должны — в этом ящике! А здесь соль, а перец — вон там, за банкой, вообще непонятно где! А веник где? Веник вообще в коридоре стоит, а должен за дверью! Нет, ну вы как живёте-то?

— Мы живём нормально, — обиделся Артём. — А ты что, хочешь всё переставить?

— Хочу! — заявил Панкрат. — Я тут хозяин. Точнее, хранитель. И порядок должен быть, по-моему. А то у вас тут не дом, а проходной двор. Вон, у Элеоноры чашка на подлокотнике стоит, а она её там забыла. А Максим ботинки в прихожей разбросал. А Рыжик, — он ткнул пальцем в сторону подоконника, — шерсть везде!

Рыжик, который до этого делал вид, что спит, приоткрыл один глаз и посмотрел на Панкрата с выражением «тебя во-

обще не должно существовать».

— Ладно, — сдался Артём. — Давай свои правила. Но кружку верни. Это святое.

— Кружку я тебе верну, — неожиданно легко согласился Панкрат. — Но только если ты мне разрешишь на кухне командовать.

— А что ты будешь делать? — насторожился Артём.

— Порядок наводить! — Панкрат гордо выпрямился. — Убираться, следить за продуктами, чтоб не портились, печь по ночам пирожки, чтоб поутру пахло. Вы ж даже хлеб сами не печёте, в магазине покупаете. Стыдоба.

— Пирожки? — Катя оживилась. — Ты умеешь печь пирожки?

— А то! — Панкрат задрал нос. — Я, между прочим, при трёх поколениях купцов служил. У них пироги такие были — пальчики оближешь. А вы что? Макароны варёные, пельмени магазинные... Тьфу!

— Ну, пельмени мы иногда сами лепим, — вступился Артём.

— Иногда не считается, — отрезал Панкрат. — Ладно, давайте так: я навожу порядок, вы не мешаете. И кот пусть не лезет, куда не надо. А я за это буду вам помогать. И пирожки печь. Идёт?

— А кружка? — напомнил Артём.

— На, подавись, — Панкрат нехотя протянул кружку. — Но имей в виду: если разобьёшь, я больше ни за что не от-

вечаю.

Артём схватил кружку и прижал к груди с таким видом, будто спас от гибели всё человечество.

— Договорились, — сказал Максим. — Панкрат Сурикович, добро пожаловать в команду.

— В команду, — проворчал домовый. — Слова-то какие... Ладно, пойду осмотрюсь. А вы тут не безобразничайте.

Он исчез за плитой, и через минуту оттуда донёсся довольный голос:

— Ага, вот она, сковородка моя любимая! Цела! И чугунок на месте! Ну, порядок.

Рыжик на подоконнике фыркнул и отвернулся к окну. Конкурент ему категорически не нравился, но, кажется, он решил, что связываться с этим мелким себе дороже.

На следующее утро магазин проснулся от невероятного запаха. Пахло сдобой, ванилью и чем-то ещё, отчего у Артёма потекли слюни, едва он открыл глаза.

На кухне творилось что-то невообразимое. Панкрат стоял на табуретке у плиты и ловко переворачивал пышные пирожки, которые жарились на огромной сковороде. Рядом на столе уже возвышалась гора готовой выпечки.

— О, проснулись, — буркнул он, не оборачиваясь. — Садитесь за стол, завтракать будем. Пирожки с капустой, с картошкой и с яблоками. Всё свежее, сам ночью стряпал.

— Ничего себе, — выдохнула Катя, хватая пирожок. — Это... это божественно!

— А ты думала, — довольно крикнул Панкрат. — Я на кухне — царь и бог. А вы, главное, не мешайтесь.

Артём попробовал пирожок и зажмурился от удовольствия. Даже Рыжик, который обычно игнорировал человеческую еду, подошёл и требовательно мяукнул. Панкрат кинул ему кусочек теста.

— На, ешь. Только имей в виду, я тут главный. Не обижай меня.

Рыжик фыркнул, но тесто съел. Кажется, перемирие было заключено.

Через пару дней в магазин влетел тот самый бизнесмен с драконом. Только теперь он выглядел не так солидно — пальто расстёгнуто, галстук съехал набок, глаза бегали.

— Вы! — заорал он с порога. — Что вы мне продали?!

— Дракона? — осторожно предположил Артём.

— Дракона! — мужчина схватился за голову. — Я выиграл тендер! Огромный! На миллионы! А теперь у меня налоговая! Говорят, неправильно отчитался, не те бумаги подал, чуть ли не уголовка!

Элеонора, сидевшая в кресле, подняла бровь и посмотрела на Максима с выражением «я же говорила».

— А дракон тут при чём? — попытался защищаться Максим.

— При том! — мужчина метался по магазину. — Я после победы такой уверенный стал, такой крутой, что решил — налоги подождут. А они не ждут! Они пришли! И теперь я

должен полмиллиона!

— А вы бы вовремя заплатили, — философски заметил Панкрат, высовываясь из-за плиты. — Я при трёх поколениях купцов служил, они всегда налоги платили. Иначе никакой дракон не поможет.

Мужчина уставился на маленького лохматого мужичка и замер с открытым ртом.

— Это кто? — спросил он шёпотом.

— Домовой, — пожал плечами Артём. — У нас тут всё по-честному. Драконы, домовые, налоговая. Вы, главное, не волнуйтесь. Мы что-нибудь придумаем.

— Что? — с надеждой спросил бизнесмен.

— Ну, — Максим задумался, — можем продать вам ещё одну фигурку. Для удачи в налоговой.

— Только не дракона, — добавила Катя. — Может, сову? Для мудрости?

Мужчина подумал, махнул рукой и купил сову. И ушёл, бормоча про себя что-то про странный магазин и странных людей.

— Элеонора, — сказал Максим, когда дверь закрылась. — Ты была права. Надо быть осторожнее.

— Я всегда права, — улыбнулась провидица. — Но вы меня редко слушаете.

— Теперь будем слушать, — пообещал Артём. — А этого дракона я, наверное, с витрины убегу. Пусть пока постоит.

— Не убирай, — неожиданно сказал Панкрат. — Дракон

— он для сильных духом. А слабые пусть сов покупают. Им полезно.

— Ты ещё и в маркетинге разбираешься? — удивилась Катя.

— А то, — хмыкнул домовый. — Я двести лет за порядком слежу. Всё про людей знаю. Кому что нужно, кому что вредно.

Вечером, когда магазин закрылся, они сидели на кухне и пили чай с пирожками. Панкрат важно восседал на краю стола, сложив руки на животе. Рыжик устроился на подоконнике, но теперь не шипел, а просто наблюдал.

— Знаешь, — сказала Катя Максиму, — а мне этот домовый нравится. Хоть и ворчит постоянно.

— Дело своё знает, — согласился Максим.

— И пирожки печёт — закачаешься, — добавил Артём, доедая пятый по счёту.

— А ты не объедайся, — строго сказал Панкрат. — Завтра тоже есть захочется.

— Ладно, — Артём отодвинул тарелку. — Панкрат Сурикович, ты теперь с нами?

— А куда я денусь, — проворчал домовый. — Вы хоть и беспокойные, но, кажется, люди неплохие. Оставайтесь. Я присмотрю.

— Спасибо, — улыбнулась Катя.

— Не за что, — буркнул Панкрат, но было видно, что ему приятно.

Рыжик зевнул, потянулся и вдруг спрыгнул с подоконника. Медленно, с достоинством подошёл к столу, потерялся о ножку и улёгся рядом, прямо под ногами у Панкрата. Домовой покосился на него, но ничего не сказал.

— Кажется, мир, — тихо сказала Элеонора.

— Кажется, да, — кивнула Софи, появляясь из подвала.

Она подошла к столу, взяла пустую чашку и сделала вид, что пьёт чай. Панкрат посмотрел на неё с интересом.

— А ты, барыня, не простая, — заметил он. — Сильная. И старая. Я таких уважаю.

— Взаимно, — улыбнулась Софи.

За окном мела метель, но в маленькой кухне старого особняка было тепло и уютно. И всем казалось, что так будет всегда.

Глава 7 Возвращение Алисы

Утро в магазине началось с того, что Панкрат переставил всю посуду.

Артём обнаружил это безобразие, когда спустился на кухню в поисках утреннего кофе. Он ещё толком не проснулся, глаза слипались, волосы торчали в разные стороны, а любимая клетчатая рубашка была застёгнута криво — на одну пуговицу не туда. Он привычно потянулся к шкафчику, где последние две недели лежала его кружка с единорогом, открыл дверцу и замер.

Кружки не было.

Вместо неё на полке стояли какие-то старые плошки, мятая кастрюля и загадочная жестяная банка без этикетки.

— Панкрат! — заорал Артём так, что Рыжик на подоконнике подпрыгнул и чуть не свалился вниз. — Ты где?!

Из-за плиты высунулась лохматая голова в ушанке.

— Чего орёшь? — спокойно спросил домовой, жуя что-то. — Я тут, не видишь?

— Ты куда мою кружку дел?!

— А, кружку, — Панкрат вылез полностью, отряхнул ладошки и важно сложил руки на животе. — Я её на нижнюю полку переставил. Порядок должен быть правильный. Кружки — снизу, чтоб удобно было доставать. А сверху — миски, для теста. Я тесто буду ставить, мне миски нужны под рукой.

Чтоб не лазить каждый раз.

— Какое тесто? — не понял Артём, всё ещё пребывая в лёгком шоке от утреннего хаоса.

— Сдобное, — важно ответил Панкрат. — Я сегодня ночью стряпать буду. Вы ж мои пирожки ели? Ели. И довольны были? Довольны. Так что не мешай, хозяин. Дай человеку работать.

— Ты не человек, ты домовой, — напомнил Артём.

— А вот это, между прочим, предрассудки, — обиделся Панкрат и спрыгнул с хлебницы, чтобы скрыться за плитой.

Рыжик, наблюдавший за этой сценой с подоконника, фыркнул и отвернулся. Конкурент его раздражал, но пирожки были вкусные, так что кот пока держал нейтралитет.

Катя спустилась через полчаса, уже умытая, с ноутбуком под мышкой. Она с утра всегда была собранной и деловитой — в отличие от Артёма, который первые полчаса после пробуждения напоминал зомби из дешёвого фильма ужасов. Катя поставила ноутбук на стол, налила себе кофе и устроилась с ним на диване, поджав ноги.

— Слушай, Панкрат Сурикович, — окликнула она. — А ты не хочешь дать интервью для моего блога? Читателям будет интересно.

— Чаго? — домовой высунулся из-за кастрюли. — Интервью? Это про что?

— Ну, вопросы я буду задавать, а ты отвечать. Про жизнь свою, про обычаи, про то, как ты тут двести лет прожил.

— А платить будут? — подозрительно прищурился Панкрат.

— В смысле? — растерялась Катя.

— В прямом. Я ж работать буду. Рассказывать. А енто нынче дорого стоит.

Артём поперхнулся чаем.

— Панкрат, ты ещё и бизнесмен?

— А то, — гордо заявил домовой. — Я при купцах жил, кое-чему научился. Бесплатно только птички поют, и то затем, чтоб их кормили.

— Ладно, — рассмеялась Катя. — За интервью я тебе пирожок обещаю. С капустой.

— Ха! Ты их спеки поначалу. Гривенник — начал торговаться Панкрат.

— А у меня нету. Сто рублей пойдет?

— Фиг с тобой, пусть будет так, раз монетки нету, — после чего домовой довольно крикнул и скрылся за плитой — видимо, пошел готовиться к славе.

Максим поднялся из подвала, потягиваясь, когда солнце уже всю светило в окна, заливая магазин золотистым светом. Он выглядел уставшим — под глазами тени, волосы взлохмачены, на подбородке щетина. С ночи они с Софи просидели в подвале, разбирая какой-то древний фолиант, и теперь Максим чувствовал себя выжатым лимоном.

— Кофе есть? — спросил он хрипло.

— А то, — Артём подвинул ему чашку. — Ты как там,

не умер?

— Почти, — Максим сделал глоток и блаженно прикрыл глаза. — Софи говорит, что я прогрессирую. Теперь вижу структуру вещей не только в магии, но и в обычной жизни. Вчера смотрел на твою кружку и видел, из какой она глины сделана и в какой печи обжигалась.

— И что, интересно было? — спросила Катя.

— Не очень. Кружка как кружка. Но Софи говорит, это важный этап.

— Ага, — поддакнул Панкрат, высовываясь. — Этап. Ты, главное, мою кружку не трогай. Мне копии мне не нужны.

— Какие копии? — не понял Максим.

— Ну, это я так, на будущее, — загадочно ответил домо-вой и снова исчез.

Катя и Артём переглянулись.

— Он иногда странные вещи говорит, — заметил Артём. — Но пирожки вкусные, так что я не придираюсь.

— Мудро, — кивнул Максим.

День тянулся медленно, как бывает только в феврале, когда за окном метель, а в магазине тепло и пахнет пирожками. Заходили покупатели — трое по блогу Кати, двое случайных. Пенсионерка долго выбирала чайный сервиз и в конце концов купила одну только сахарницу, потому что «остальное не вписывается в интерьер». Студентка искала подарок парню и остановилась на старом компасе. Затем дверь распахнулась и впустила внутрь тучу холодного воздуха и Али-

су.

Она остановилась в дверях, прислонившись к косяку. Чёрное пальто, растрёпанные ветром волосы, на губах — хитрая улыбка. За спиной у неё был небольшой рюкзак, а в руках — коробка конфет.

— Народ, я вернулась! — объявила она с порога, скидывая руки.

— Алиса! — заорал Артём так, что Рыжик на подоконнике подпрыгнул и чуть не свалился вниз во второй раз за день. — Живая!

Артём вылетел из-за прилавка так быстро, что чуть не снёс витрину.

— А ты сомневался? — она обняла его, потом подскочила к Кате, потом к Максиму. — Соскучилась по вам, черти!

— Мы тоже, — улыбнулась Катя. — Как дела с викканами?

— Ой, не спрашивай, — Алиса махнула рукой, скидывая пальто. — Там такое... Бардак, короче. Без меня они как без рук. Пришлось наводить порядок, перетряхивать старые связи, разгонять тех, кто мутный. Половину разогнала, половину построила. Теперь они меня боятся больше, чем Совета.

— А это хорошо или плохо? — поинтересовался Максим.

— Для нас — хорошо. Для них — пусть боятся, — Алиса подмигнула. — А у вас тут как? Я смотрю, магазинчик прямо расцвёл. И запах... пирожками пахнет?

Из-за плиты высунулся Панкрат.

— Это я стряпаю, — сказал он важно, вытирая руки о замызганный фартук и с любопытством разглядывал гостью. — А ты, стало быть, та самая Алиса, про которую мне рассказывали?

Алиса уставилась на маленького лохматого мужичка в ушанке. Пауза затянулась.

— Это... — начала она.

— Панкрат Сурикович, домовый, — представил Артём. — Наш новый... ну, сотрудник, что ли.

— Сотрудник, — проворчал Панкрат. — Звучит не людски. Хранитель очага я, между прочим.

— Очага у нас нет, — заметила Катя. — Газ, электричество.

— Очаг — понятие растяжимое, — обиделся Панкрат. — У вас тут тепло, уют, пирожки пекутся — значит, очаг есть.

Алиса медленно обошла домового кругом, разглядывая его со всех сторон. Панкрат вертелся на месте, чтобы следить за ней, и в конце концов запутался в собственном фартуке.

— Ничего себе, — сказала она наконец. — Настоящий. Я думала, такие только в сказках бывают.

— В сказках я бы и остался, если б вы тут ремонт не устроили, — фыркнул Панкрат. — Шум, гам, стены сверлят — куда ж денешься? Пришлось выходить.

— И как тебе? — Алиса присела на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне.

— Да ничего, — смягчился домовый. — Люди вроде нор-

мальные. Не бьют, не гонят, пирожки хвалят. А ты, я смотрю, тоже не простая. Чувствуется в тебе сила. И какая-то... тревога.

Алиса удивлённо подняла бровь:

— Ты ещё и экстрасенс?

— Я домовой, — поправил Панкрат. — Я всё про людей чувствую. Кто с добром, кто с худом, кто с тайной. Вот у тебя — тайна.

— Есть немного, — призналась Алиса. — Но ты не бойся, я своя.

— А я и не боюсь, — Панкрат гордо выпрямился. — Я двести лет прожил, меня уже ничего не испугает. Ладно, пойду пирожки дожаривать. А ты, — он ткнул пальцем в Алису, — заходи вечером, свежие пробовать будешь.

Он исчез в кухне, и через минуту оттуда донёсся запах жареного теста.

— Ну и ну, — выдохнула Алиса, садясь на диван. — У вас тут прямо зоопарк. Кот магический, домовой говорящий, призрак в подвале... Кто следующий?

— Не каркай, — попросил Артём. — А то и правда кто-нибудь явится. Русалка, например. Или леший.

— Леший в Москве? — усомнился Максим.

— А что, бывает, — подал голос Панкрат из-за плиты. — В Лосином Острове, говорят, живёт один. Старый уже, правда, не выходит.

Все переглянулись и рассмеялись.

За чаем, который Катя разлила по кружкам. Панкрат принёс свои пирожки и уселся на краю стола, свесив ножки, Алиса рассказала о своих планах. Она говорила спокойно, но в голосе чувствовалась усталость человека, который долго нёс тяжёлый груз и наконец решил его сбросить.

— Я не собираюсь возвращаться к викканам полностью, — сказала она, откусывая пирожок и жмурясь от удовольствия. — Но и порвать с ними не могу. Слишком много связей, слишком много людей, которые на меня рассчитывают. Я для них — что-то вроде совести. Знаете, бывает в семье человек, который всем напоминает, что надо делать правильно? Вот я такая. И если не прогоните буду помогать вам. И магазин, и вообще. Тем более, — она понизила голос, — я кое-что узнала...

— Что именно? — насторожился Максим.

— Совет следит за вами. Серьёзно следит. У них там целый отдел, который анализирует ваши продажи. Считают, что через фигурки вы распространяете магию среди простых людей. А это, по их мнению, нарушение всех правил.

— А вампиры? — спросила Катя.

— Вампиры пока выжидают, — Алиса отхлебнула чай. — Но Локвуд, кажется, снова активизировался. Он после того случая в лаборатории не успокоился, ищет способ отомстить. И, говорят, нашёл каких-то безумных магов, готовых ему помочь.

— Весело, — вздохнул Артём. — Мы тут бизнес открыли,

пирожки едим, а нас уже со всех сторон пасут.

— Это нормально, — философски заметил Панкрат, вылезая с тарелкой горячих пирожков. — При купцах тоже следили. Конкуренты, завистники, сборщики... Всё как у людей.

— Какие сборщики? — не понял Артём.

— Ну, как налоговая, ваша, по-новому, очень похоже. Тоже вечно лезли, где не просили.

— Панкрат, ты кладёшь мудрости, — улыбнулась Катя.

— А то, — довольно крякнул домовый и протянул ей пирожок.

Алиса быстро вписалась в жизнь магазина. И взяла на себя обязанности по безопасности, помогала отсеивать подозрительных клиентов — тех, кто приходил не за антиквариатом, а за чем-то другим. Панкрат подсказывал, кого стоит опасаться, а кого можно пускать.

— Вот этот, — сказал он однажды, когда в магазин зашёл мужчина в дорогом пальто, — нехороший. Чувствую фальшь.

— Да вроде нормальный, — удивился Артём. — Деньги есть, смотрит на статуэтки.

— А ты посмотри, как он смотрит, — настаивал Панкрат. — Не на вещи, а по сторонам. Всё вынюхивает, оценивает. Это либо вор, либо шпион.

— Шпион? — Артём поперхнулся. — У нас тут военных секретов нет.

— Для Совета любой магазин с магическими фигурками

— секрет, — заметила Алиса, незаметно наблюдая за мужчиной. — Панкрат прав. Он не покупатель.

Через пять минут мужчина ушёл, ничего не купив, но на прощание окинул магазин долгим, внимательным взглядом.

— Запомнил, — сказала Алиса. — Теперь будет докладывать.

— И что делать? — расстроился Артём.

— А ничего, — пожала плечами Алиса. — Мы ничего не нарушаем. Продаём обычный антиквариат. А то, что фигурки немного... усиленные, кто докажет?

— Она права, — поддержал Максим. — Пусть следят. Главное, чтобы не лезли.

Панкрат, который всё это время стоял у двери и буравил взглядом удаляющуюся фигуру, вдруг сказал:

— Я его запомнил. Если ещё раз появится, я ему такого задам — своих не узнает.

— Ты же домовый, ты должен порядок охранять, а не нападать, — напомнил Артём.

— Охранять — значит и нападать, когда надо, — философски ответил Панкрат и скрылся за плитой.

Вечером, когда магазин закрылся и последние покупатели разошлись по домам, все собрались на кухне. Панкрат нажарил целую гору пирожков — с капустой, с картошкой, с яблоками, даже с мясом, хотя мясо он не очень любил, но для гостей расстарался. Пирожки были пышные, румяные, от них шёл такой пар, что запотели все окна.

— Слушай, Алиса, — сказала Катя, — а ты где жить будешь?

— Пока не знаю, — призналась та. — В гостинице нельзя, слишком заметно. У знакомых — не вариант, они все под колпаком у Совета.

— А давай у нас? — предложил Артём. — У нас наверху две комнаты свободны. Одну я занял, вторая пустует.

— Правда? — Алиса удивлённо посмотрела на него. — Вы не против?

— Мы — нет, — ответил Максим, глянув на Катю. Та кивнула. — Место есть, а лишние руки в магазине не помешают. Тем более с твоим опытом.

— И Панкрат будет рад, — добавила Катя. — Вы, я смотрю, уже подружились.

— А то, — донёсся голос из-за плиты. — Пусть остаётся. Хоть кто-то порядок понимает. А то эти, — он ткнул пальцем в сторону Артёма, — вечно всё переставляют.

— Я один раз переставил! — возмутился Артём.

— Один раз, а последствия на месяц, — парировал домо-вой.

Алиса рассмеялась:

— Ладно, уговорили. Остаюсь. Только чур я на пирожки не нападаю.

— Нападай, — великодушно разрешил Панкрат. — Я много напёк.

Ночью, когда все разошлись по комнатам, Алиса сидела

на кухне одна. В доме было тихо, только часы тикали на стене да Рыжик изредка переворачивался на подоконнике, гоняя во сне воробьёв. За окном мела метель, снежинки бились в стекло и таяли, оставляя мокрые следы.

Панкрат вылез из своего угла за плитой, забрался на табуретку и устроился рядом.

— Не спится? — спросил он.

— Не знаю, — призналась Алиса. — Всё как-то быстро. Я же раньше одна была, сама по себе. А теперь... семья, что ли?

— Семья, — подтвердил Панкрат. — Я таких сразу чую. Они тебя приняли. И ты их приняла. Теперь вместе.

— А ты? Ты давно с ними?

— Да не очень, — Панкрат погладил бороду. — Недели две всего. Но я за это время понял: люди они хорошие. Нормальные. Не гонят, не ругаются, ценят. А для меня это главное.

Алиса улыбнулась:

— Значит, мы теперь команда.

— Команда, — согласился домовой. — Ты, я, кот рыжий, Максим с Катей, Артём этот чудаковатый, дама в подвале... Нормальная команда. Дружная.

— И опасная, — добавила Алиса.

— А то, — хмыкнул Панкрат. — Безопасных команд не бывает.

Они посидели ещё немного в тишине, потом домовой зевнул и полез обратно за плиту.

— Спать иди, — сказал он на прощание. — Завтра день будет длинный. Я чувствую.

— Что чувствуешь?

— Гостей, — загадочно ответил Панкрат и исчез.

Алиса ещё долго сидела, глядя в окно на заснеженный переулок, и думала о том, как странно иногда поворачивается жизнь. Ещё полгода назад она охотилась за Максимом, чтобы отнять его силу. Ещё месяц назад разбиралась с викканами, пытаясь сохранить остатки своего влияния. А теперь пьёт чай с домовым, ест его пирожки и собирается жить в антикварном магазине в компании магического кота и призрака средневековой ведьмы.

— Жизнь — штука непредсказуемая, — сказала она сама себе, вставая. — Но это даже хорошо.

Она погасила свет и ушла наверх.

Где-то далеко, в Англии, в маленьком городке Сассекс, бармен Джон закрывал паб «Зелёный человек». Он двигался медленно, будто во сне, и миссис Гловер, наблюдавшая за ним из-за стойки, в который раз подумала, что с парнем творится что-то неладное.

— Джон, ты как? — спросила она осторожно.

— Нормально, — ответил он, не оборачиваясь.

Голос был его, но интонация — чужая. Слишком ровная, слишком спокойная.

— Ты бы отдохнул, — посоветовала миссис Гловер. — А то вид у тебя...

— Какой вид? — Джон обернулся, и женщина вздрогнула.

На неё смотрели глаза Джона. Те самые, голубые, с лукавинкой. Но в глубине их, где-то на самом дне, шевелилось что-то тёмное. Что-то, чего раньше не было.

— Да так, — пробормотала миссис Гловер, отводя взгляд.
— Ступай уже. Я сама закрою.

— Как скажете, — Джон кивнул и вышел, даже не попрощавшись.

Миссис Гловер постояла ещё немного, глядя на закрывшуюся дверь, потом перекрестилась на всякий случай и принялась мыть посуду.

А в небе над Сассексом кружилась метель, и где-то далеко, в Москве, в старом особняке в Большом Толмачёвском переулке, люди, домовый, кот и призрак спокойно спали, не зная, что тьма уже подбирается к ним.

Но это будет потом.

А пока — ночь, метель, тепло и тишина.

Глава 8 История третья: бабушка, внук и паркур

Утро после возвращения Алисы выдалось шумным. Панкрат с шести утра гремел кастрюлями, решив, что раз в доме прибавление, то и завтрак должен быть королевским. Он носился по кухне как угорелый — то сковородку подвинет, то опару проверит, то кинется искать дрова, чтоб в печку подкинуть. Только вот печки не было, но Панкрат по старой привычке всё равно искал её взглядом и ворчал, что «современные плиты — это не то, нет в них души».

Рыжик, которого этот грохот выдернул из сладких снов, сидел на подоконнике с самым несчастным видом и сверлил плиту взглядом, полным праведного гнева. Его рыжая шерсть стояла дыбом, хвост нервно подёргивался, и, если бы коты могли материться, Рыжик уже выдал бы такую тираду, что Панкрат покраснел бы даже сквозь свою взъерошенную бороду.

— Панкрат! Имей совесть! — донеслось сверху. Артём в трусах и майке высунулся из своей комнаты, щурясь от яркого света. — Люди спят ещё! Шесть утра, ёлки-палки!

— Нормальные люди уже должны вставать, — философски заметил домовой, ничуть не смущаясь. Он ловко перевернул блин на сковороде — тот сделал в воздухе сальто и

приземлился точнехонько на место. — Солнце взошло, пелухи пропели, пора завтракать. А вы всё дрыхнете. Бардак. Я при купцах служил, так там в пять утра уже все на ногах были. Самовары кипели, прислуга бегала, дела решались. А у вас тут — тишина, как на погосте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.